

П
Е
Р
Е
С
Е
Т
ОЧКА
Е
Н
И
Я

Ирина Лемешева

16+

Ирина Лемешева

Точка пересечения

«Автор»

2021

Лемешева И.

Точка пересечения / И. Лемешева — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-95582-0

Роман-сага, охватывающий временной отрезок с середины прошлого века до начала нынешнего. Сложные судьбы двух героинь, которые то пересекаются, то расходятся на долгие годы. И все это на фоне событий, которые еще хранит наша память. Главные героини - абсолютно живые образы, словно взятые из жизни. Подруги и одноклассницы, родившиеся в один день, у каждой из которых - своя правда, своя справедливость, своя судьба. Любовь и равнодушие, верность и предательство, и совершенно неожиданный финал, который, бесспорно, не оставит читателей равнодушными .

ISBN 978-5-532-95582-0

© Лемешева И., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
1	6
2	12
3	16
4	18
5	21
6	26
7	29
8	34
9	38
10	42
11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Лемешева

Точка пересечения

Малые страдания выводят нас из себя, великие же – возвращают нас самим себе. Жан Поль Рихтер.

Пролог

– Простите, вас по личному, – секретарша с извиняющейся улыбкой заглянула через полуоткрытую дверь и добавила:

– Говорят, что очень срочно.

– Переведи, Эвочка.

Она устало прикрыла глаза и круговыми движениями помассировала лоб и виски.

Срочно. У неё вся жизнь проходит под этим грифом. Тем, кто обращается к ней, всегда всё срочно. Потому, что может стать поздно.

Голос был незнакомый. Приятный женский голос, абсолютно без акцента, без этих характерных интонаций иврита с его певучими окончаниями слов и фраз. Ола хадаша? Совсем зелененькая? Голос убеждал, настаивал на встрече. Совершенно идиотская ситуация, но было в этом голосе что-то, мешавшее ей попрощаться и закончить непонятную беседу. Она пролилась свой еженедельник в поисках окна.

– На следующей неделе во вторник в 12 вас устроит? Кафе "Киюфим", цомет Ярконим.

На конце линии повисла пауза.

– А автобус туда идёт? Или маршрутка? И где это вообще? – в голосе звучала растерянность.

Так, ясно, без машины. Не доедет. Она любила это кафе в деревенском стиле, совмещенное с магазинчиком со всякой всячиной для дома и сада. И, как всегда, хотела убить двух зайцев одним выстрелом: во-первых, там вкусный кофе и прекрасный чизкейк, ну, а во-вторых, она давно хотела поменять занавески в приёмной. И вообще, пустая она оттуда не выходила. Любимые лягушки Симоночки были куплены именно там. К тому же, огромная стоянка.

– Так, а где вам удобно?

– Если нужно, я подъеду в Тель-Авив, куда-нибудь в центр. В районе Алленби, например.

– Хорошо, пусть будет Алленби, – она устало отвалилась на спинку кресла. – Кафе "Мишель". Номер не помню. Найдете?

– Да, конечно, найду, – на том конце провода вздохнули с облегчением.

– Отлично. В 12 ровно, – с нажимом произнесла она, попытаться вложить в эти слова послы, что опозданий она не терпит.

Часть первая

1

Они не могли не дружить.

Их мамы были подружками с детства и бегали вместе в Дом пионеров. Были там такие кружки: драма, художественное чтение и даже хоровое пение. Это была середина прошлого века, когда петь, декламировать, играть в спектаклях, художественно свистеть и импровизировать на балалайке можно было абсолютно бесплатно.

И они играли, и свистели, и пели и декламировали. В перерывах между этими важными делами делали уроки, сдавали экзамены, предварительно наевшись пятилистников сирени. Бегали на танцы в Дом Офицеров. Легко влюблялись и не менее легко расставались. Плакали и смеялись, кружились в своих юбочках солнце-клеш и выросли – эти девочки, чье детство пришлось на грозные сороковые. Они любили свой теплый солнечный город, они росли на его улицах и во дворах, пользуясь той неограниченной свободой, которая возможна только на юге. Там, где дети здороваются с незнакомыми людьми и обращаются к друг другу "брат" и "сестра". У них не было тайн друг от друга, да и какие могут быть тайны у двух девчонок, живущих на соседних улицах, сидящих за одной партой с первого класса. Две Лиды – маленькая и большая. Так их звали в школе.

После выпускного вечера их дороги разошлись. Лида-маленькая сразу вышла замуж. По общим меркам – весьма удачно. Муж пару лет был персональным шофёром какого-то большого начальника, а потом плотно сел на продовольствие, возил всякий дефицит, и она, Лида, сразу почувствовала себя, как за каменной стеной. Надёжный тыл – это обеспечивала она. Всё блестело в доме, стол был накрыт к приходу кормильца и радовал борщами и домашней лапшой, печенкой с луком и со сметаной, пельменями – крохотными – один в один, различными соленьями – квашеной капусткой, морозно хрустевшей под зубами, помидорчиками и огурчиками, запутавшимися в сплетениях укропа и смородиновых листьев, сквозь которые мелкими зубчиками белел нарезанный чесночок. А вареники! С творожком, плавающие в сметане, и непременно сдобренные ложечкой сахара. С картошкой, усыпанные чуть сладковатым луком, поджаренным на сливочном масле. И венец всего – вареники с вишней, которые сначала остужались на огромном жёлтом эмалированном подносе. Да, на том, с чуть отбитым краем, на котором летела куда-то жар-птица. Эти вареники подавались, политые вишнёвым соусом... нет-нет, не соком, а именно соусом, уваренным с сахаром до нужной густоты – что-то среднее между соком и вареньем.

Идеальная семья: муж – добытчик, жена – хранительница семейного очага.

Лида-большая – а разница-то в каких-то несколько сантиметров! – поступила в пединститут. Замуж вышла только в 21 год – успела, пока ее не записали в старые девы. Он был неплох собой, инженер-конструктор в каком-то там проектом институте. Голая зарплата. И никаких греческих маслин, югославской буженины со слезой на срезе и пупырчатых огурчиков в апреле.

Рожали они вместе, с разницей в несколько часов. Ходили на консультации к одному врачу-гинекологу – смешливому Юлию Соломоновичу, который обращался к своим пациенткам не иначе, как:

– Ну-с, дамы, и что вы мне сегодня расскажете? Или покажете?

В палате на 9 человек (по четыре кровати с двух сторон и одна – в центре) они показывали друг дружке своих девочек, которых привозили на кормление в большой каталке, сложенных аккуратно, как дрова, и спеленутых так туго и тесно, что было непонятно, как эти младенцы

дышат. Каждая вслух восхищалась чужой дочкой, понимая в глубине души, что уж её-то ... нет, это и сравнивать не стоит.

Появление на свет этих малышей возродило их дружбу. Нет, они не стали дружить семьями – уж очень велика была пропасть между их мужьями, и они понимали это интуитивно. К тому же, и компании сложились в каждой семье свои, и темы для разговоров были настолько разные, когда они собирались с друзьями на ноябрьские или на Новый год. Но все это осталось в стороне, за тонкой невидимой чертой, которая очертила их пространство, в котором они ежедневно выгуливали своих дочурок, сравнивали прибавки в весе и росте, обсуждали действенность укропной водички (первое дело при газиках!), делились рецептами приготовления каш, радовались первым проклюнувшимся зубикам, похожим на крохотные кусочки сахара. Расправив юбки на скамейке в парке и легонько покачивая коляски со своими сокровищами, они вспоминали Дворец пионеров, одноклассников : кто? где? с кем?

– Ты представляешь – а Лорка-то отшила Санька, да-да, а там уже к свадьбе шло. Нет, никто не знает, в чем дело. Довыбирается!

– А Норка, эта худющая страшная Норка укатила в Вильнюс и там вышла замуж, это ж обалдеть просто!

Они вспоминали школьных учителей, кружок драмы и его руководителя – Виталия Сергеевича, в которого были тайно влюблены все девчонки, мечтавшие стать артистками.

Пронзительно синело высокое осеннее небо, с глухим звуком падали жёлуди и каштаны, шуршали под колесами колясок засохшие сморщенные листья . А с кленов падали, вращаясь в воздухе, листья совсем другие – яркие, блестящие, гладкие, словно покрытые лаком, которые они так любили в детстве засушивать между страниц толстых книг. Вроде бы, это называлось гербарий.

А они вспоминали, и болтали, и смеялись и даже пели что-то дуэтом. И в эти моменты было совсем неважно, что они едят – каждая у себя на завтрак, что одна уже живёт в своем – маленьком, но своем! – домике, а другая – в крошечной пристройке во дворе со свекровью. Что одна тщательно начищает перед выходом свои старенькие туфельки, а у другой – модельная обувь, сшитая золотыми руками Якова Рувимовича – одного из известнейших сапожников города, чье имя было уже гарантией качества. И ей – Лиде-маленькой – он собственноручно снимал мерку, сидя перед ней на низенькой лакированной скамеечке, и спрашивая:

– Мадам хотят с пряжечкой? На каблучке?

И неважно, что коляска у ее дочки была новенькая, маленький экипаж для принцессы, а у подруги – потерявшая цвет и с потертой ручкой. Коляска, в которой выросло уже трое малышей.

Девчушки, которых катали в этих экипажах были тоже совсем разные. У Лиды-маленькой – яркая, щекастая, черноглазая куклёна, вся в локонах и перевязочках. Она редко капризничала и улыбалась миру, довольная всем происходящим вокруг. И одета она была всегда затейливо – огромные капроновые банты, платица на кокеточках, китайские свитерочки и шапочки с невероятными помпонами. Верно говорят: как корабль назовешь – так он и поплывет. А звали эту розовощекую красотку Жанна. Вот такое экзотическое имя, пахнущее морем, теплым ветром и южным курортом. Достаточно редкое в те годы и привлекающее к себе внимание. Лида-маленькая никогда его не сокращала. Никаких тебе Жанночек, Жаннет и прочих уменьшительно-ласкательных кличек. Только Жанна, с акцентом на удвоенное "ЭНН".

Лида-большая свою дочку назвала незатейливо: Света, а называла ее всякий раз по-разному: и Светик, и Светочка, и Светусик, и Светлана. Это была самая обыкновенная рядовая малышка – пройдешь – не оглянешься. Какие там локоны! Жиденькие светлые прядки, на которых не держался ни один бант. Худенькая, светлоглазая. Ни бровок, ни ресничек. Так, намётки. А главное – она была серьезная и задумчивая – полная противоположность хохотушке Жанне. Лида-маленькая упорно называла ее Ланой, так упорно, что имя это прижилось. Жанна и Лана.

Лана и Жанна. Эти девчонки удивительно ладили между собой, копаясь в песочнице, играя в мячик, строя башни из кубиков.

Встречались Лиды по-прежнему в парке возле дома, иногда вместе с малышками выбирались в зоопарк или в центр. Сидели в кафе-мороженом, болтали. Удивительно, что не кончались их темы и не было конца их "а ты помнишь?" Но на другой уровень их дружба не переходила – они не упоминали о мужьях, не говорили о свекровях, не ходили друг к другу в гости. Лида-большая, сидя в декрете, научилась вязать, и у Ланы то и дело появлялись обновки – варежки, шарфики, шапочки, беретки, а потом – свитерочки и даже платье. Темно-синее, с голубым воротничком и манжетиками и крошечными пуговичками – грибочками. Перламутровыми и – заметьте! – тоже голубыми. А по подолу – три голубые бабочки – вывязанные из блестящего мулине и пришитые каким-то мудреным швом.

Лида-маленькая вежливо хвалила обновки, не проявляя к ним особого интереса. Ее, "сидящий на продовольствии" муж, имел связи не только в продовольственной сфере и прилежно, как муравей, тащил в дом все, что только можно было тащить: шмотки, книги, мебель, фарфоровые побрякушки, хрусталь. "Дом – полная чаша" – это было про дом Лиды-маленькой. И она была настолько счастлива в этом своем мире, что и не помышляла о чем-то другом. Читая Золя и Мопассана, она радовалась, что жизненные штормы минуют её тихую заводь.

Малышки росли. Лана в год вылезла из коляски и, похоже, навсегда. Она, обутая в резиновые сапожки, любила ходить пешком, безжалостно разбивая на осколки отражения в осенних лужах. Уверенно топала по сухим коричневым листьям и собирала упавшие жёлуди – крупные, гладкие, ещё хранящие тепло прошедшего лета, с рифлеными шляпками. Она по-прежнему, улыбалась не часто и изучала мир сосредоточенно и серьёзно.

Жанна начала ходить поздно, почти в полтора годика. Немного похудела, вытянулась к двум годам, но по-прежнему не разговаривала, реагируя на окружающее открытой улыбкой. Она израсталась – исчезли локоны, обнаружилась проблема в правом глазу: лёгкое, едва заметное косоглазие. Она с недоверием шла на контакт, предпочитая улыбаться на расстоянии. После двух лет заговорила, но как-то осторожно, невнятно, пропуская и слегка коверкая буквы.

– Ничего, – махала рукой Лида-маленькая. Вырастет – выправится. Максимум – возьмём логопеда. А вот в садик надо, – добавляла она озабоченно. – Общение с детьми – это важно.

Они пошли в один садик и в одну группу – Жанна и Лана. Весной, когда обеим исполнилось по 2,5 годика. И здесь стало окончательно понятно, кто ведомый в их связке. Лана верховодила однозначно – не давала в обиду, защищала, отталкивая мальчишек, да, и девчонкам от нее доставалось. Очень скоро никому в голову не приходило обидеть Жанну – рыхлую, медлительную, так как все понимали – где-то рядом всегда окажется Лана, а она уж точно спуску не даст.

Лана тоже израсталась – из невнятной неулыбчивой малышки со светлыми глазами неопределенного цвета и неопрятными прядками на голове, она к пяти годам превратилась в голубоглазую красотку с гладкими пшеничными волосами до плеч, правильными чертами лица, тонкими, словно нарисованными бровями, и длинными неожиданно тёмными ресницами.

На новогодних утренниках ей три года подряд доставалась роль Снегурочки, ну просто не было в группе девочки, которая могла бы это оспорить. Жанна довольствовалась ролью Снежинки, хотя и с Снежинка из нее была... так себе. Но ведь не наряжать девочку в зайчика или медведя?

К старшей группе детсада всем было очевидно, что быть приближенной к Лане, а тем более дружить с ней – это честь, которую надо заслужить. И только Жанне не надо было ничего заслуживать – они по-прежнему были неразлучны – эти две, такие разные, девочки.

– Мы с Тamarой ходим парой, – улыбалась воспитательница, радуясь, что этой неотёпе Жанне досталась такая подруга.

Так – парой, за ручку – они пришли в первый класс и сели за одну парту – вторую слева. В восемь часов Лана заходила за подружкой, и они вместе спешили в школу, которая была совсем близко: после аптеки и гастронома ещё метров шестьдесят и за углом. Приходили первыми, чтобы успеть выбрать из тяжёлого деревянного ящика правильную чернильницу с чернилами густого фиолетового цвета, которыми так приятно было писать палочки в прописях: нажим – волосяная, нажим – волосяная. Пальцы были перепачканы, но палочки маршировали стройными рядами в их тетрадках, и учительница хвалила их обоих. Правда, в подарок гостям из Африки были преподнесены прописи Ланы, и именно ее палочки улетели в дружественную страну, но Жанна только радовалась, преданно глядя в глаза своей подружке.

В школе Лана не была Снегурочкой – на утренниках и Дед Мороз и Снегурочка были заказанными артистами-профессионалами, но в лидеры выдвинулась достаточно быстро. С ней считались самые отпетые пацаны – она легко находила общий язык со всеми. Училась легко, с налёту, не очень заморачивалась оценками – четверка или пятерка – какая разница? На переменах носилась по двору, играла в классики, скакала на счёт через прыгалку, которую преданно крутили ее обожатели. А их, обожателей и телохранителей, было немало.

Но самой близкой ее подругой по-прежнему оставалась Жанна, которая радостно улыбалась, глядя, как ловко взлетает над землёй Лана, как пшеничными волнами вместе с ней взлетают, пружиня, пряди ее гладких блестящих волос. В отличие от других девочек, косы Лана не носила, лишь иногда собирая скользкие волосы в "конский хвост". Скакалка, классики, игры в резиночку – всё это было для неё. И всего этого избегала Жанна. Проблемы с глазами усугубились, и с конца первого класса ей выписали очки, которые она забывала и оставляла везде, где только можно было забыть и оставить.

К окончанию 1-го класса Лида-маленькая уломала своего мужа (да, это взяло время) , и в их небольшом зале, который назывался "большая комната" прямо у окна встал новенький "Беккер" – немецкий инструмент – черный, с тяжёлой крышкой, закрывающейся на ключик, и двумя резными латунными подсвечниками, которые можно было двигать и в которые можно было вставлять настоящие свечи. У "Беккера" был глубокий звук, две педали и гладкие, как леденцы, клавиши благородного цвета – чуть-чуть желтоватые, наверняка сделанные из слоновой кости. Так сказал Жаннин папа, убрав от окна столик с радиоприемником и немного сдвинув в сторону телевизор. К пианино прилагался круглый крутящийся стул, на котором можно было раскручиваться по часовой стрелке вверх и против часовой стрелки – вниз. Жанне купили папку с завязочками – коричневую, с выпуклым портретом Петра Ильича Чайковского, сборник "Школа игры на фортепиано", она что-то прохлопала, что-то пропела весьма приятным голосом на вступительных экзаменах, обворовала комиссию своей улыбкой и была принята в музыкальную школу.

– Я в детстве так хотела играть, – с улыбкой сообщила Лида-маленькая Лиде-большой. – Но разве мои родители могли себе это позволить?

В этом вопросе уже крылся ответ: да, они не могли, а вот мы – да, мы можем.

Жанна исправно посещала уроки по специальности, сольфеджио и теории, ходила на хор, в общем, вдруг стала занятой и вечно спешащей куда-то девочкой. У нее был слух, но маленькие руки с пухлыми пальчиками не были руками пианистки, и это было видно сразу.

Она неуклюже ковырялась в гаммах и этюдах Черни, проваливала кисть и задирала пятый палец. У нее была неважная растяжка и аккорд из четырёх звуков был для ее руки подвигом, равным восхождению на Эверест.

Но она, слегка высунув язык, так старательно тянула legato в прелюдиях Баха, так страдала лицом, играя "Болезнь куклы" из "Детского альбома" Чайковского, так трогательно улыбалась и кланялась со сцены после экзамена, что члены педкомиссии, посоветовавшись для виду, выносили свой вердикт: "нетвердая четвёрка". Ее учительница понимала, что от этой "нетвердой" четверки до четверки "обыкновенной" – пропасть, которую этой улыбчивой девочке с

неуклюжей посадкой и зажатой кистью вряд ли суждено одолеть. А потому, повторяя, как мантру, что "заниматься надо больше", она тщательно подбирала ей репертуар кантиленный, с минимумом технических элементов.

Она была неплоха на уроках теории и сольфеджио, хотя с трудом дотягивалась до "до" второй октавы.

Зато блистала на хоре, уверенно и чистенько выводя свою партию второго альта. Это был её диапазон.

На хоре ее ставили в пример.

– Дети, посмотрите на Жанну Кац! – стучал по пюпитру дирижерской палочкой их хормейстер Лебедев Георгий Александрович. – Посмотрите, как надо петь! С улыбкой надо петь, дети, с улыбкой! У нас скоро городской хоровой смотр! Все улыбаемся, как Жанна Кац! Весело и дружно! Мы же пионеры!

Пионеры корчились от смеха, сползая на полтона, а в коридорах музыкалки провожали Жанну фразой, ставшей классикой:

– Дети! Посмотрите на Жанну Кац!

В начале третьего класса Жанну отдали на плавание. Ей достали совершенно необыкновенный купальник – пингвинчик. Закрытый купальник с крошечной черной юбочкой. Весь состоящий из равнобедренных треугольников: черный – белый, черный – белый. С открытой спинкой.

В бассейне никто не говорил: "посмотрите на Жанну Кац!" Все и так смотрели, потому что такого купальника не было ни у кого. Очки она оставила на низкой скамеечке рядом со шлепками. А потом ее обвязали веревкой за пояс и бросили в воду. Очень популярный метод обучения в середине прошлого века, имеющий под собой идеологическую платформу – хочешь жить – выплывешь!

Жанна несомненно хотела жить. Об этом свидетельствовали ее крики, гулко отражающиеся от куполообразного потолка Дворца Водного спорта. Насчёт "выплывешь" как-то не получалось. А потому, когда ее, дрожащую и несчастную, наглотавшуюся хлорированной воды, наконец вернули на скамеечку – к очкам и шлепкам, – Жанна четко знала, что плавать она не будет. От слова НИКОГДА. Купальник-пингвинчик простирнули, высушили и спрятали в шкаф – до лучших времён.

А почему, собственно, бассейн? Зачем бассейн? Ну, да, это полезно, это закаляет и вообще ... мало ли ... всегда пригодится в жизни.

Но главным было другое – в секцию по плаванию ходила Лана. Буквально с первого класса. Ее признали перспективной сразу. Она абсолютно не боялась воды, напротив – это была её стихия.

– У вашей девочки природная техника, прекрасная координация, хорошая реакция. А ещё – и это главное, – тренер назидательно поднял указательный палец. – Она нацелена на победу. А потому – давайте-ка ее к нам в секцию.

Лида-большая не была против. Она прекрасно знала свою дочку, и нацеленность на победу Ланочки была ей хорошо известна. Она всегда добивалась своих целей. Такая вот, целеустремлённая девочка. Ставила цель и устремлялась к ней. Самым коротким путем. Как об этом догадался тренер после первой же встречи, она так и не поняла.

ДМШ и ДВС немного развели подружек в разные стороны – детская музыкальная школа и дворец водного спорта находились в разных направлениях. Занятия и тренировки занимали много времени. Но им повезло – они все равно сидели за одной партой и были соседками.

А так подфартило далеко не всем.

После памятного апрельского утра 1966-го года, когда часы остановились в 5 часов 22 минуты, а тишина взорвалась от испуганных криков людей, многое поменялось в их городе. На улицах выросли палаточные городки, и это не были весёленькие палатки туристов, а огром-

ные военные брезентовые палатки цвета хаки. Город строился с рекордной скоростью, и очень скоро многие люди, жившие в центре, переехали на окраины из своих маленьких частных домиков или разрушенных до основания, или признанных аварийными специальными комиссиями, которые ходили по домам на предмет проверки жилого фонда. Прощались друг с другом соседи, рвались дружеские связи – далеко не всем удавалось получить новое жильё в привычной близости друг от друга.

Лиду-большую и Лиду-маленькую не тронули. Их домики на соседних улицах выдержали грозный удар стихии, не попав под гриф "аварийное жильё".

И девчонки по-прежнему дружили: вместе ходили в школу, секретничали на переменках и отстаивали длинную очередь в школьный буфет за пирожками с повидлом и бубликами с маком.

Лана по-прежнему не заморачивалась с учёбой, не гонялась за пятерками, легко получая их по любимым предметам – математике, английскому и физкультуре.

Жанна занималась усердно. В восьмом классе у нее уже был частный педагог по биологии, так как будущее ее было предопределено. Всё решила тетя Рая, работавшая в государственной аптеке в центре города. Пробежав глазами по табелю с оценками Жанны за седьмой класс, она недовольно хмыкнула:

– И что с этим прикажете делать?

Оценки были, скажем прямо, так себе. Средненькие такие оценочки.

– Университет нам не светит, я так понимаю, – задумалась Рая. Поступить-то мы, допустим, поступим, а учиться кто будет?

Лида-маленькая согласно кивнула – она доверяла старшей сестре мужа, которую знал весь город.

– И что ты думаешь, Рая?

– А думаю я... а думаю я, что пойдём мы в медучилище. У меня там Шавкатик – свой человек. Договоримся. Специальность хорошая, женская. Возможностей полно. Найдём что-нибудь. И частно всегда подработать можно – уколы поставить, банки там, компрессики. Все же живая копейка.

У тети Раи не было ни мужа, ни детей и всю свою нерастраченную энергию она направляла на семью брата. Опекала. Подсказывала. Советовала. Лида этому не противилась. Слово Раи много решало в их семье.

2

После 8-го класса Жанна поступила в медучилище. Тетя Рая ликовала – Шавкатик не подвёл, и дверь, ведущая любимую племянницу к чудесной специальности, была открыта. К удивлению мамы-Лиды, папы-конструктора и тети Раи, дела у Жанны пошли вполне неплохо. Она усердно готовилась к экзаменам, вполне сносно их сдавала и улыбалась своей теплой, располагающей улыбкой. – Вот такая должна быть медсестра, – одобрительно пожал ей руку декан на вручении диплома.

Лида-маленькая с тетей Раей прослезилась от нахлынувших чувств. В доме появился свой медработник.

По вопросу трудоустройства у тети Раи были свои планы.

– В поликлинике от скуки с ума сойдешь, – решила она. – В больницу – будешь вечно, как белка в колесе, чужими инфекциями дышать. А сделаем-ка мы ход конем. Ход конем заключался в серии звонков с непременным началом:

– Добрый день! Я к вам от Рашида Ибрагимовича.

Звонков было немало, но каждый из них был маленьким шагом к достижению цели, которая наконец-то была достигнута: после октябрьских праздников Жанна начала работать в физиотерапевтическом кабинете поликлиники от какого-то там управления.

– Ты смотри, присматривайся, – напутствовала ее тетя Рая. – Простых пациентов там не будет. Все при чинах и при постах.

Она, как всегда, была права. Публика была возрастная и солидная. Ее называли Жанночкой и после курсов УВЧ или электрофареза оставляли скромные подарочки – цветы, конфеты и шампанское.

Пациенты таяли от ее улыбки, теплых ладоней, нежных пальчиков и негромкого голоса:

– Ложимся на правый бочок, вот так. Удобно?

– Глазки закрываем, расслабляемся, будем чувствовать лёгкое покалывание, это нормально.

– Нет-нет, не волнуйтесь, после курса ушко вас больше беспокоить не будет.

И пациенты, привыкшие руководить на своих постах, задолбанные бесконечными просьбами и претензиями своих жён, ложились удобно, расслаблялись, жмурились, подставляли ушки, плечи, руки, спины своих далеко не атлетических тел и, выходя из физиотерапевтического кабинета, реально чувствовали, что уже не так стреляет в ухе, отпускают боли в пояснице и коленях и как будто острее становится зрение.

– Вот такой должна быть медсестра! – эта фраза, сказанная Жанне при получении диплома, оказалась пророческой. Ее обожали и старались приходить в ее смену. А потому, когда Малику Усмановну помпезно проводили на пенсию, Жанна стала полноправной хозяйкой этого кабинета. Да, неплохо было бы поставить ей ещё кого-то в помощь, но завполиклиниккой был противником лишних кадров, коль это жизненно не необходимо.

– Вот если не будет справляться, тогда... – обещал он.

Жанна справлялась. И это в 20 лет!

Лана после ухода подруги тоже сменила класс. Прочувшись восемь лет в классе "А", она стала "Цэшкой". Такой класс уже два года существовал в их школе. Класс "Ц". Спортивный класс, в который были собраны лучшие пловцы города. Девочек было мало, в основном парни – высоченные, широкоплечие, с мускулистыми ногами и руками и узкими бедрами. Все коротко остриженные как под копирку, словно рукой одного парикмахера.

Лане тоже было предложено подстричься. Ее длинные гладкие бликующие волосы упрямо отказывались прятаться под резиновой шапочкой. Каре. Короткое каре – вот все, что ей удалось отстоять. Она по-прежнему была блондинкой, и ее волосы цвета спелой пшеницы

и огромные голубые глаза не очень сочетались с достаточно типичной фамилией, которая частенько звучала на соревнованиях. А соревнований и сборов было много. Учеба в этом классе явно не была в списке приоритетов. Здесь готовили профессионалов.

– Ланочка, детка, – всплеснула руками Лида-большая, держа в руках ее табель за 9-й класс. – Ты посмотри, посмотри на оценки! Ты что, плавать будешь всю жизнь? Или пойдешь работать в школу, как я? Только не учителем литературы, а учителем физкультуры. Специальность нужна, специальность! Образование нормальное, – она бессильно уронила руку с табелем на кухонный стол.

Папа-конструктор не вмешивался в процесс воспитания. Он сидел в тылу, принося в дом никакую, но стабильную зарплату, и с молчаливым изумлением взирал на свою дочь, которой с трудом дотягивался до уха.

На линии фронта была Лида, которая, проверив тетрадки и наведя порядок на кухне, садилась за вязание. Спрос был, вязанные вещи были в моде: мохеровые косыночки с ажурной каймой, шапочки, связанные двойной нитью из двух разных цветов.

Она хорошо знала любимые сочетания – цвет и его оттенок. К примеру: синий с голубым, фиолетовый с лиловым, темно-зеленый с салатovým. Некоторые просили контрастные сочетания: белый с черным, серый с красным. Тоже получалось нарядно. А по кругу – опушка из вытянутых петель. Эти шапочки разлетались, как горячие пирожки. А потом пошла мода на безрукавки. В общем, без работы Лида не сидела. Мечтала научить дочку – всё-таки всегда живая копейка, но, видя ее загруженность, только вздыхала. Кроме того, работая в школе, она понимала, что научить можно только того, кто хочет научиться. Ее Лана хотела плавать.

Она вспоминала Жанну. Вот ведь, никогда звезд с неба не хватала, а уже закончила первый курс медучилища.

Они не общались почти год. После окончания 8-го класса Кацы продали свой домик и переехали в самый центр города – в трёхкомнатную кооперативную квартиру с шикарной лоджией, паркетом и деревянными жалюзи на окнах. И страшно сказать, с тех пор не виделись и не слышались. Как жизнь разводит людей ...

Все каникулы Лана проработала в пионерском лагере помощником вожатой, а в конце августа заявила, что бросает плавание и возвращается в свой класс. Лида была просто счастлива.

Она напряглась, стала брать больше заказов, и у Ланы появилась частная учительница по английскому. Ибо поступать Лана решила в Иняз.

Поступила достаточно легко, практически без протекции. Ну, может, кто-то там шепнул, что это дочка Лидии Павловны, той самой, к которой записываются в очередь на вязанные полупальто из пёстрой пряжи. Да, появилась такая пряжа, что отпала необходимость в вязании из двух клубков разных цветов одновременно. В работе был один клубок, а готовое изделие получалось разноцветным. Ну, а воротничок и манжетики – однотонные, под цвет и опять с выпущенными петлями. Такая имитация меха. Почерк Лиды, ее стиль.

Год, когда Лана стала студенткой, совпал с ещё одним знаменательным событием в семье Спектор. Папе-конструктору выделили квартиру с работы. Последние два года он был первым в бесконечной очереди, и всем казалось, что так будет вечно. Но всё кончается, и к ноябрьским они переехали.

Ликовали все: и сам папа, который, наконец, уверовал в торжество справедливости, и Лида-большая, которая после долгих лет замужества наконец-то почувствовала себя полной хозяйкой в доме. Ей теперь не нужно было ежедневно и ежеминутно что-то доказывать свежести и жить в бесконечном ожидании замечаний, советов и критики.

Но, наверное, больше всех радовалась Лана: она наконец-то стала обладательницей своей комнаты! Не очень просторной, но своей! Уютной, светлой, с большим окном и дверью, которая запиралась на ключ. Личное пространство, которого ей так не хватало. В комнате встал

и книжный шкаф, и кушетка, и письменный стол – все со старой квартиры. Справа ещё оставалось место. Туда было решено поместить тумбу для белья, на которую Лана планировала поставить проигрыватель. Это была её, и только её территория, где она могла делать всё, что вздумается: выращивать цветы на широком подоконнике, развешать по стенам фотографии, расставить между книг забавных пупсов, которые она покупала у Иржика – директора Луна-парка – и привозила со спортивных сборов. И зеркало! Конечно, ей нужно зеркало. Оно прямо просится вот на эту стенку – над тумбой для белья. То, что тумбы ещё не было, Лану несколько не смущало. Купим!

– Ну, правда, мам? – Лана заглядывала в глаза матери. Правда, будет здорово?

– Правда, правда, – отмахивались от нее Лида. – Дай немного раскрутиться.

Ей перепала небольшая партия льна, напрямую – из Прибалтики. Это было очень модное направление сезона, и Лида мысленно прикидывала, сколько мотков уйдет на юбку-шестиклинку и жилеточку с кружевной каймой. Костюмы она ещё не вязала. Нужна будет широкая резинка для юбки и пуговицы для жилетки, желательно деревянные. Чтобы было в одном стиле. Переезд – переездом, обустройство – обустройством, но на все это нужны средства. Они и так уже хорошо потратились, надо наверстывать. Тумба и зеркало – это не убежит. А вот где достать деревянные пуговицы?

И за пуговицами, и за зеркалом, и за тумбой они отправились в ГУМ перед Новым годом. Конец месяца и конец года. Народу, конечно, тьма, и очереди, и толкотня, но именно в эти дни "выбрасывали" что-то стоящее, нужное и не очень, но которое обязательно пригодится – если не сегодня, так завтра. Тумбу не нашли, но зато Лида накупила и пуговиц, и кружево на отделку, и несколько упаковок мохера двух цветов. И зеркало – вот удача! – круглое, в металлической рамке – завитки-завиточки, просто кружево, а не рамка! А ещё диск Рафаэля. И шампунь яичный. Польский. Не в бутылках, а в маленьких пухлых желтых подушечках. Десять подушечек в одни руки.

Уже на выходе, нагруженные и довольные, остановились полюбоваться английскими столовыми сервизами, выставленными под стеклянными колпаками. Они были в свободной продаже уже давно – вещь дорогая, не каждому по карману. И вот здесь, на первом этаже, где народу было немного, они встретились – две Лиды – маленькая и большая – и две подружки – Жанна и Лана. Старая дружба не ржавеет, а уж детская – подавно. А потому встреча была по-настоящему теплой и радостной. Обнимались Лиды, жались друг к дружке девчонки.

– Это ж сколько мы не виделись? Да неужели ж больше двух лет? Что ж вы так – переехали и пропали?

– А вы все там же?

– Нет, вот уж два месяца, как на новой квартире. Пете дали с работы. Дождались.

– И слава Богу! Где? Ничего не далеко. Через пару лет там будет метро.

– Да, тогда заживём. Квартира просторная, приезжайте в гости, посмотрите.

– И вы, обязательно!

– Телефон есть?

Телефон был. И это был отдельный повод для гордости Лиды-большой.

– А Жанночка-то как расцвела! Уже на 3-м курсе! Кто бы мог подумать...

– А Ланочка? В Инязе? Умница наша, а красотка какая!

– Как я рада, что мы встретились!

– А мы как рады! Давайте больше не теряться!

И обменялись телефонами, и обещала Лида-маленькая поговорить с Семой насчёт тумбы – да-да, я знаю о чем речь, он постарается достать.

Расстались, довольные встречей, покупками. Да и у кого могло быть плохое настроение, когда до встречи Нового года оставались считанные дни.

Новый год совместили с новосельем. Сдержанно хвалила квартиру свекровь, удивлялся свекр – и как можно жить без кладовки! Быстро опьянели от сладкого крепленного две подружки Лиды – учительница географии и домоводства (это через нее приходила дефицитная льняная пряжа), а их мужья со знанием дела обсуждали перспективы завершения строительства метро.

И все восхищались богатым столом, в котором все было по списку: и оливье, и холодец, и селёдка под шубой, и маринованные патиссончики. Сначала был план пригласить и Лиду-маленькую, но Лана сообщила, что встречать Новый год она уходит "в компанию".

– Ну, мам, – протянула она, заметив укоризненный взгляд матери. – Вся наша группа собирается и что мне тут...?

И правда, если разобраться, что ей тут делать среди старичья, молодой и красивой?

– А домой как попадешь?

– Да мы заночуем у Галки.

Встреча Нового года удалась на славу – пили шампанское, танцевали, травили анекдоты и знакомились. Организовали всё Галка с Неллей, и приглашена была, конечно, не вся группа, а тесный круг избранных. Галка предоставила пустую квартиру, Нелля обеспечила кавалеров. Это были друзья ее одноклассника – рыжего и толстого Мишани, который привел своих друзей по универу. Будущие переводчицы и учительницы английского и французского напропалую флиртовали с серьезными математиками и физиками, которые, судя по всему, растеряли свою серьезность в эту новогоднюю ночь, в которой было всё: запах ёлки, мерцание гирлянд, разлетающиеся искры бенгальских огней, волнующий запах "Клима", любимая музыка и медленные танцы с девчонками, которых они не знали ещё вчера.

Провожали год Тигра и встречали год Кролика, а потому на столе среди прочих салатов на зелёной травке из мелко нарезанных соленых огурчиков восседал то ли заяц, то ли кролик с глазками из зелёного горошка, которого соорудила Галка из крутых яиц, сваренных картошки и морковки .

3

Праздник кончился, побежали будни. Лида-маленькая не обманула: Семён действительно достал тумбу для белья в Ланину комнату, да как достал – по госцене. Это надо было отметить.

Лида наготовила и пригласила всю семью Кац. Встретила хорошим столом и подарочками: Семён получил мохеровый шарф, а Лида с Жанной – по шапочке. Благодарили долго – подарок своими руками – это от сердца.

Чокались и пили за новую квартиру, за здоровье и счастье жильцов и, конечно, за дружбу. Долго вспоминали свои прежние хоромы, детсад и школу, смотрели старые фотографии: как выросли девчонки – не узнать!

После этого визита Лида-маленькая позвала Спектров к себе. И, пока мамы щебетали на кухне, Жанна показала подруге квартиру. И вроде тоже три комнаты, а какая разница! Лана сразу обратила внимание и на причудливо уложенный паркет, и на чешский кафель трёх цветов с крохотными вставочками необыкновенно благородного оттенка (фрез – объяснила Жанна). А прихожая! Огромная, квадратная со встроенным шкафом, в котором на пустых плечиках сразу разместили их пальто. Зеркало в благородной деревянной раме отражало Лану во весь рост, а над ним висело чешское бра – белый фарфор со вставками из полупрозрачного розового стекла, напоминающими по форме узоры на павлиньих перьях . Венчал эту елочную красоту матовый плафон, который так волшебным образом рассеивал свет. И никаких лампочек сверху. Деревянные полированные панели, деревянные двери с замысловатыми ручками, деревянные жалюзи в комнате Жанны. Чешские полки с книгами (и никаких громоздких книжных шкафов), зато свой – личный! – шифоньер. А в правом углу – пианино. Не тот массивный и черный Беккер с латунными подсвечниками, а коричневый полированный Цимерманн.

– Тот инструмент сюда не влезал, – сожалением протянула Жанна. – Вот пришлось купить этот – кабинетный. Но звук очень хороший.

Крышка пианино была заставлена всякими безделушками. Лана обратила внимание на фотографию в тоненькой металлической рамочке под стеклом

– А это мы с тобой на Новый год в садике. Помнишь? Я – Снежинка, а ты – Снегурочка. Лана кивнула. У нее тоже была где-то эта фотография.

А потом сидели на лоджии, которую застеклили и на которой, собственно, и протекала жизнь. Диван, стол со стульями, телевизор. Лиду-большую больше всего впечатлила маленькая кладовочка, примыкающая к лоджии – вся в полках для консервации – от пола и до потолка. Ее почему-то называли " сушилка".

Петр похваливал общую планировку квартиры, где не было пустой бесполезной площади.

– Москвичи строили! – с гордостью сообщил Семён. Нам, чтобы в этот кооператив попасть, пришлось потрудиться. Да и переплатить тоже, – он подмигнул.

Хозяйка была в ударе – плов был настоящий, с желтой морковью и традиционными специями. Лепешки с базара, которые привезли ещё горячие, в трёх полотенцах, и салат из зелёной редьки с жареным луком, а без него какой же плов?!

Перед десертом – мужчин оставили общаться на лоджии – Лида – маленькая повела показывать "большую комнату".

Лана задохнулась от восторга – какие занавески, ниспадающие белоснежными волнами до самого пола! Тюль с необыкновенными вставками из плотного кружева. Мягкий, бордовый ковер с узором по периметру – по нему ходили, сняв тапочки. А гарнитур!

– Семён доставал, – улыбнулась Лида-маленькая. – Он у нас на повышение пошел. Уже не по продовольствию. По снабжению. В торговый поступил, заочно, в Самарканде. Теперь без института никуда ходу нет.

– Чешская? – спросила Лида-большая, кивая на стенку.

– Ой, врать не буду. Немецкая, вроде. Полированная тоже была, но мне матовая больше нравится. Благороднее как-то. И вообще, полированная – это вчерашний день.

– И встала как удачно! – восхитилась Лида-большая.

– Да, мы волновались сначала – войдёт ли все? Предметов много. Вот, все что в этой комнате – это один гарнитур. "Жилая комната" называется.

– Здорово, – протянула Лида-большая.

На эту мебель просто хотелось смотреть: и на стенку с витринками, закрытыми витражным стеклом, и на журнальный столик необычной формы с изящной столешницей и с такими же тонкими витыми ножками. А кресла! А диван! Съёмные велюровые подушки, цвета кофе с молоком, и этот велюр можно было снять для стирки, расстегнув аккуратные замочки. И ко всему этому – ещё и пуфик на колесиках.

– Да, немцы свое дело знают, – Лида-маленькая явно гордилась этими немцами, как гордятся родители своими удачными детьми. – Натуральное дерево. Ну, да ладно, идёмте чай пить.

К чаю были аккуратные маленькие эклеры, припорошенные сахарной пудрой и буквально таявшие во рту (крем заварной, никакой сгущенки), крупные груши и коробка шоколадных конфет с ликёром. И опять болтали, смеялись, хвалили квартиру и золотые руки хозяйки. Засобирались, когда уже было поздно.

– Сема, на улице слякотно как, отвези гостей!

– Да, ты что, Лида, не беспокойся, мы на такси, без проблем.

Они долго ловили такси и ехали через центр по горящим от иллюминации улицам – мимо сквера и новой гостиницы "Узбекистан", курантов и парка Горького.

– В хорошем месте им досталась квартира, – задумчиво протянул Петр. – И дом кирпичный.

– Да, не досталась она им, не досталась, – коротко и непривычно резко ответила Лида.

Лана молчала. Их район, их квартира, их обстановка – всё это не просто разительно отличалось от того, что она увидела сегодня – это был другой мир, другая планета. И вход туда для нее казался нереальным. Ну, да, закончит она свой Иняз и застрянет в школе училкой с этими проверками тетрадей по вечерам. Как мама. Но мама вяжет. И где бы они сейчас были, если бы не мамины шапочки, шарфы, косынки и жилеты? Да, нет, были бы они здесь, в этой крошечной трешке на четвертом этаже блочного дома с совместным санузлом, страшным линолеумом, белыми, плохо покрашенными окнами и с такими ручками на дверях, которые хотелось вырвать с корнем.

А дальше? Что дальше?

4

Лана не была из тех девушек, которые плывут по жизни, не заморачиваясь особенно, пользуясь моментом. Она никогда не играла в шахматы, но смогла бы с лёгкостью овладеть этой древней игрой, так как всегда думала на несколько шагов вперёд.

Статная, высокая, модельной внешности, она выделялась на курсе. Шикарная натуральная блондинка, каких, возможно, было много в Прибалтике и Европе, но какие буквально притягивали взгляды в их южном городе. Многолетние занятия плаванием сформировали ее фигуру и заложили правильные привычки спортсменки. Ушла в прошлое эпоха карэ – волосы были длинные, чуть ниже плеч, прямые, бликовавшие на свету. Она почти не красилась, ну, совсем немного светло-розовой помады в один слой – это не в счёт. Крошечные золотые сережки и такой же кулончик на тоненькой, жгутиком цепочке – подарок родителей на поступление в Иняз. Ни заколочек, ни браслетиков-колечек, ни столь популярной в те годы бижутерии. Ничто не отвлекало от образа серьезной, неулыбчивой блондинки с задумчивым взглядом немного потемневших, серо-голубых глаз. Маленькая Снегурочка превратилась в Снежную королеву. Процесс более, чем нормальный.

Лана выделялась и нарядами – никаких кофточек- "лапшей", заполонивших город, в которых щеголяла большая часть курса. Никто и не догадывался, что ее одежда – это плод ее фантазии и золотых рук Лиды. Вязали многие, но это был дешёвый самовяз, с претензией на что-то. Работы Лиды отличал высочайший профессионализм – никто и в жизни не мог помыслить, что свитера с рукавом летучая мышь, полупальто с крупными деревянными пуговицами, юбки-шестиклинки и ажурные льняные кофточки – все это богатство связано руками скромной учительницы русского языка и литературы.

Лана не завела подружек на курсе. Дружить – это не только бегать в кафе-мороженое или вместе сидеть в читальном зале. Это делиться тайнами и секретиками, ходить друг к другу в гости. Нет, она не отрывалась от группы и могла вместе со всеми пойти в кино или на вечеринку. Но она не представляла, как может позвать к себе домой на четвертый этаж в тесную квартирку, обставленную старой мебелью и заваленную нитками, кого-то из этих девочек. Это была элитная молодежь – дети начальников всех мастей, врачей и адвокатов, которые жили в центре, были смелы, раскованны, уверены в себе и своем будущем. Они щеголяли в португальских сапогах и испанских туфлях на каблуке в 13 сантиметров, шились у лучших портних города, а летом выезжали с родителями на модные курорты Прибалтики и Кавказа. У них были общие темы и общие знакомые. Общее прошлое и, скорее всего, – общее будущее. Свой круг, к которому она не принадлежала. Так, наверняка, чувствует себя яблоко в вазе, наполненной апельсинами – яркими, дерзкими, источающими аромат далёких стран.

Училась она, как и в школе – легко. Но отношение к учебе стало другим. Сейчас ей уже не были безразличны оценки на экзаменах. Она с упорством спортсменки шла на красный диплом. Это был её единственный путь остаться на кафедре, поступить в аспирантуру и вырваться из своего круга, вынырнуть из серой и скучной рутины в другой мир – мир, не связанный с работой в школе с ее вечными педсоветами и родительскими собраниями, вечерними проверками тетрадей и хроническим лорингитом.

А ещё Лана начала вязать.

Сначала это были шарфики и шапочки. Крючком. Это было легко. Она сочетала, казалось бы, несочетаемые цвета – получалось стильно, ярко, вызывающе, но пользовалось спросом. Потом перешла на сумки. Украшала их деревянными крашеными бусинами, кусочками кожи и кожезаменителя. Такие мешкообразные сумки через плечо в стиле хиппи. Это был прорыв. Клиенты Лиды-большой отрывали их с руками. Посыпались заказы. Пару-тройку раз Лана видела свои сумки у девчонок – признанных модниц с курса.

Папа-конструктор уже с трудом умещался после работы на диване перед телевизором, чувствуя себя абсолютно ненужным и никчемным в этом царстве ниток, клубков, выкроек, законченных шапок и недовязанных пальто. Он аккуратно приносил домой среднюю по стране зарплату, был спокоен, предсказуем и неприхотлив. Одна мысль занимала его, необремененную заботами, голову – как у них с Лидой – в принципе, таких заурядных и внешне и внутренне – могла родиться и вырасти такая девочка. Красавица модельной внешности, умница, да ещё и с такой фантазией и с такими руками.

– Есть в кого, – многозначительно качала головой Лида, явно имея в виду не его.

Лана с Жанной перезванивались, но очень редко, со смехом поздравляя друг друга с днём рождения. Надо же было умудриться родиться в один день! Лиды тоже общались нечасто, вечно сетуя на отсутствие времени. А увидеться... нет, ну, никак не получалось. Расстояние делало своё.

Обе крутились, как пчёлки – одна по дому. Вторая – и по дому, и на работе, и после работы. Какие там встречи и посиделки, дышать некогда!

Каково же было удивление семьи Спектор, когда в конце августа Лида-маленькая позвонила и, поинтересовавшись будут ли они дома в воскресенье вечером, загадочно сообщила, что они заскочат на пару минут.

– Только ты ничего не затевай, Лида, мы буквально на одной ноге – зашли и вышли. Адрес напомни мне, пожалуйста.

И они приехали – Сема с Лидой и пунцовая от счастья Жанна. Приехали с приглашением на свадьбу. Жених не приехал.

– Он в командировке, – туманно объяснила невеста и добавила зачем-то :

– На неделю.

На одной ноге не получилось. Сидели, пили чай с вишнёвым пирогом, разглядывали приглашение: кафе "Белый лебедь", Жанна и Анатолий – имена выписаны вензелями, и вензелями рамочки вокруг. Между именами – картинка: два белоснежных лебедя с изящно изогнутыми шеями, образующими сердце.

А внизу дата: 20.10. 1978.

Строго. Черным шрифтом. Красивое приглашение, качественное, на добротной и плотной тисненой бумаге.

– Кафе хорошее, – частила Лида-маленькая. – Вам понравится. Мы там как-то гуляли на свадьбе. Да! Платье будем шить, и фасон уже есть – из журнала, и ткани присмотрели – капрон, шелк на подкладку, а на лиф – гипюр немецкий. Ещё не решили, где букетик заказать на талию. Чайные розы. И насчёт фаты ещё не знаем. Сейчас очень модно шляпы. Ой, что это я все рассказываю, – одернула она сама себя. – Потом неинтересно будет.

Девочки ушли в "детскую" – почему-то так называли в семье комнату Ланы.

– И что ж ты молчала, подруга? – с укором протянула Лана.

– Так я и сама ничего не знала, честное слово, – виновато улыбнулась Жанна. – Он только в августе предложение мне сделал.

– Вот прямо так, подошёл и предложил?

– Да, ну тебя. Он мой пациент, приходит на ингаляции. Второй курс уже берет. Голос напрягает на работе, совещания у них там бесконечные в министерстве и ещё где-то, вот и заработал ларингит. Я его вообще сначала по имени-отчеству называла – Анатолий Михайлович. А потом предложила электрофорезик на глаза поделать. С йодом. Один курс. Близорукость у него, а это прекрасно для глаз, такой курс пройти. Все равно же приходит. Так уж заодно, – Жанна задумалась, видимо, сама не понимая, как все закрутилось-завертелось с какой-то сумасшедшей скоростью. – А потом он меня после работы ждал, поели мороженое, проводил домой. Потом в кино сходили, в Панорамный. Угощал коктейлем. Потом перешли на "ты". Съездили в Парк Победы, на лодочке покатались.

– И всё?

– Ну да, и всё. Сказал, что нам комфортно вместе, и что он видит меня своей женой.

– А ты?

– А что я? Анатолий очень серьезный, положительный, устроенный, где я ещё такого встречу?

– Это мама твоя говорит, – понимающе кивнула Лана. – А ты-то, ты сама?

– Мама, как мама, – Жанна нервно теребила поясик нарядного крепдешинового платья, темно-синего в крупный белый горох. – Он и папе очень понравился, когда пришел знакомиться. Такие цветы принес – закачаешься! Два букета. Маме и мне.

– Два букета – это хорошо, – задумалась Лана. – И сколько ему?

– 30. Но он совсем нестаро выглядит, вот увидишь на свадьбе. И вообще – симпатичный. Вежливый, – Жанна помолчала. – А у тебя что на личном? Есть кто-то?

– Да так, ничего особенного. И вообще – меня надо заслужить, – Лана произнесла это без патетики, спокойным и ровным голосом, как нечто само собой разумеющееся.

– Конечно, Ланочка, ты у нас принцесса, – Жанна ласково погладила подружку по шёлку волос. – Красотка. Только где взять для тебя принца?

Лана небрежно откинула с лица прядь волос:

– А с родителями Анатолия вы уже познакомились?

– Нет, его родители живут в Подмоскowie, – вздохнула Жанна. – Приедут только на свадьбу. Если получится.

– Ну, так это люкс-вариант, – улыбнулась Лана. – Будет, к кому летом ездить, в отпуск.

– Это точно. Но Анатолий планирует на следующее лето в Сочи.

– Это он за год вперёд планирует? – изумилась Лана.

– Да, он такой. Умный. В шахматы играет.

– А жить где будете?

– Сначала у нас. Только кушетку мою надо будет поменять. А потом ему дадут квартиру. Анатолий сказал, что у них семейные очень быстро получают, – Жанна задумалась мечтательно. – Ну, пойдут дети, ты понимаешь. Тесно будет. И вообще – жить надо отдельно. Мама так считает. И ещё Лана, – Жанна помялась. – Ты сможешь быть моей свидетельницей?

– И ты ещё спрашиваешь? – Лана обняла подругу. – Я тебя в школу водила, я тебя и в ЗАГС отведу.

Свадьба была большая и богатая. Пышная свадьба. И была родня, и соседи со старой квартиры, и одноклассники, и однокурсники, и Жаннины коллеги по работе. Со стороны Анатолия гостей было совсем немного.

Стол ломился, и музыкальная группа с ведущим были на высоте. Жених в сером с отливом костюме был серьёзен; невеста с её застенчивой улыбкой – обворожительна. А платье... Белоснежная пена из шелка, гипюра и капрона, а на поясе – букетик чайных роз – неожиданный яркий штрих на фоне этой кипенной белизны.

Лана сидела за главным столом рядом с невестой и время от времени заботливо поправляла ей чуть сбившуюся шляпку.

Лида и Семён металась по залу, здороваясь, обнимаясь, расспрашивая, отвечая и принимая поздравления. Всё же хорошая это вещь – свадьба: возможность увидеться и пообщаться с теми людьми, когда-то близкими и родными, с которыми жизнь развела в силу разных причин.

5

Отгуляли, оттанцевали и вернулись к будням.

Жанне дали в помощь молоденькую медсестру – сразу после училища. Ходили слухи, что это племянница заведующего поликлиникой, и на работе стало полегче и повеселее. Лола часто приносила разные угощения, и они порой обедали на перерыве прямо в кабинете.

Анатолий работал много, был серьёзен, немногословен. Лиду и Сёму называл на "вы" и по имени-отчеству. Часто ездил в командировки на 7-10 дней. Деньги, собранные на свадьбе, Лида-маленькая спрятала, сказав:

– Вот, переедете – будет вам на обустройство.

С ней никто не спорил.

Летом, как и было обещано, съездили в Сочи, в какой-то ведомственный санаторий.

Море – завтрак – море – обед – сон – море – ужин – прогулки. Всё по плану, все по часам. Ни шага в сторону. На солнце можно быть только в определенные часы; толчок – нечего там делать, покупать это цыганское барахло – тебе что, носить нечего? Посидеть где-то в кафе – ты что, голодная?

Нет, она не была голодная: и кормили на убой в этом санатории, и импортные шмотки у нее были. Просто хотелось выйти за пределы этого чётко очерченного круга, свернуть в сторону, чем-то разбавить скуку, настоянную на влажной жаре кавказского лета.

Анатолий много плавал, а она, по сей день не оправившись от той детской травмы, заходила в море максимум по пояс, аккуратно переступала ногами по каменистому дну и довольно быстро возвращалась на лежак под зонтик. Загорала, слегка спуская с плеч лямочки купальника, специально купленного для этого отпуска. Сиреневый, с тонким белым кантиком, с полукруглыми вырезами впереди по талии и полностью открытый сзади. Она прикрывала глаза, лениво отщипывала от тяжёлой грозди крупные ягоды теплого винограда и позволяла себе не думать ни о чем. Просто не думать и всё.

А мысли были. То она вспоминала Лану – вот бы ее сейчас сюда! Русалка, рассекающая толщу воды четкими и отработанными движениями рук. Она была пару раз на ее тренировках. Лана и вода были чем-то неделимым, цельным, органично связанным друг с другом.

Вот и её Анатолий – любитель поплавать. Не поплескаться, а именно поплавать – заплывать далеко, за буйки, так что совершенно была не видна его русая, коротко стриженная макушка. Первые дни она волновалась, стояла по колено в воде, полотенце на плечах, рука – козырьчком. Высматривала. Потом поняла бесполезность и нелепость этого занятия.

Ей совершенно не нужно было это море, она почувствовала это достаточно быстро. Эти острые гальки на пляже, по которым невозможно было ходить, разве что только ранним утром, пока они ещё не успевали раскалиться под безжалостными лучами солнца. Этот ровный шум, взрывающийся смехом, плачем или криками детей и раздраженными окриками их родителей. Этот фотограф с замученной обезьянкой на плече, который упорно подходил к её зонтику и предлагал мадам "сделать фото на память о Кавказе." Эта дикая усталость, которую она чувствовала, поднявшись в номер, и которую тщетно пыталась смыть тугими струями прохладного душа. Казалось, что море вытягивает из нее все жизненные силы, всю энергию.

Она с родителями с детства выезжала на Иссык-Куль в ведомственный санаторий с папиной работы.

Санаторий! Смешно сказать – кирпичная коробка корпуса для семей с маленькими детьми и вагончики для остальных отдыхающих. Сомнительная по вкусу еда в столовке, но – море малины, смородины, яблок – прямо в ведрах. Крошечные бычки, которые вялили на веревочках, обернув марлей от мух; косички чуть солоноватого сулугуни, который слоился на тонкие длинные полоски – практически нити – и которые хотелось есть до бесконечности.

Песчаный полупустой пляж с узкой полоской леса прямо на берегу. Триколор – синее озеро, жёлтый песок и зелёная трава. Там не нужны были никакие зонтики: сидели на травке, в тени деревьев, расстелив пестрое тонкое одеяло. Неизменно свежий ветерок с гор, высокие темные ели, которые, казалось, упирались макушками в небеса, пахучее разнотравье и стаи непуганых бабочек, выбирающих на какой бы цветок им приземлиться.

И не беда, что душ был на соседней турбазе, а умывальники на улице. Зато каждый вечер крутили кино, и они, накинув кофточки, сидели на деревянных скамейках с жёсткими спинками под абсолютно черным бархатным куполом, с которого гроздьями сыпались звёзды. Мама шептала ей:

– Загадывай желание!

А папа беззлобно шикал на них обоих:

– А ну, тихо! Кино идёт.

А они тихонько смеялись над ним. "Кино идёт!" – как будто, и так было непонятно, без его объяснений.

Когда она подросла, они несколько раз ездили в Прибалтику. Паланга, Каунас, Вильнюс, Рига – одни эти названия уже звучали музыкой. Летние дожди, промытая зелень, напоенный озоном воздух – одно это уже было чудом после раскаленных дней и душных ночей ее родного города. Спокойные, медлительные люди, вкусная еда, вечерние концерты популярной классики в открытых павильонах без стен, только с крышей – на случай дождя, наверное. Сталь Балтийского моря, в котором купались только смельчаки и эти дюны из тончайшего песка, перекатывающиеся, как живые. И сосны. Это был её пейзаж. Её погода. Но ведомственный санаторий ее мужа был в Сочи. И потому они тут.

Как-то утром совсем не хотелось вставать. Сослалась на плохое самочувствие и осталась в номере. Долго валялась в кровати, потом спустилась на завтрак, позже сидела на балконе, пытаясь читать. Включила радио. И услышала эту страшную новость. Авиакатастрофа. Погибла их команда, родной "Пахтакор".

Она любила футбол. Правильнее, его любил папа. А она садилась с ним рядом, желая просто составить ему компанию. Втянулась, знала всех поименно и болела только за них, за своих.

И вот такое несчастье, такой ужас. Она зарылась головой в подушку, думая о том, что творится сейчас в Ташкенте и у них дома. Не спустилась на обед. Не хотелось ничего – ни есть, ни пить. Анатолий пришел после обеда, увидя ее лицо, спросил, что случилось.

– Ты не слышал?

– Нет, а что?

– Про "Пахтакор", – выдохнула она.

– А, да, что-то говорили на обеде. Авиакатастрофа, вроде? Ужасно. Я в душ.

Она лежала, оглушенная этим его "я в душ", понимая, что за год совместной жизни совершенно не узнала этого человека, своего мужа.

Вспомнила, что как-то, сидя в салоне, услышала разговор родителей на лоджии.

– Не пойму я его, – говорил отец. – Чужой какой-то, не свой. Как за ширмой живёт.

– Тихо, Сема, – полусшепотом одернула его мама. – Просто взрослый он, серьезный. Такой пост занимает.

– Пост, пост, – раздражённо ответил отец. – Жаннке-то нашей не с постом жить, с человеком.

– Погоди, вот, дай Бог, будут жить отдельно, детишки пойдут, все войдёт в норму. Не чувствует он себя здесь, у нас, комфортно.

– Вот и я о том. Чужой – он и есть чужой.

Они ещё немного пошептались там, на лоджии, но она больше ничего не услышала. Мама гремела тарелками, накрывая на стол, и скоро ее позвали обедать. А Анатолий? Вроде, был в очередной командировке.

Она вспомнила почему-то сейчас эту случайно подслушанную беседу, и, как тогда, стало жарко щекам и загорелись уши. Как ее папа, такой простой человек, оказался настолько мудрее и тоньше, чем она, настолько более разбирающимся в людях?

Анатолий вышел из душа, обмотанный по пояс толстым белым полотенцем. По его плечам стекали капли воды, короткие волосы были взъерошены, и без своих очков в солидной тёмно-коричневой оправе он казался младше. Жанна встала, одернув халатик, и демонстративно вышла на балкон. Она сидела там до вечера, пока на небе не зажглись звёзды. Не было никаких мыслей, кроме одной: что эту дату 11-го августа 1979 года она запомнит навсегда.

Они вернулись домой через неделю, и на работе все восхищались, как она посвежела и загорела.

И снова потянулась цепочка из УВЧ, ингаляций, дерсанвалей и электрофорезов. И снова все хвалили ее золотые ручки и дарили цветы и конфеты.

Лола отвела ее к своему парикмахеру – известному на весь город Додиду, шевелюра которого, похоже, не знала прикосновения ни расчески, ни ножниц. Тем не менее, он принимал по записи, и с улицы к нему было не попасть. Скептически посмотрев на бесформенную причёску Жанны, он пощелкал языком, похвалил цвет и вынес свой вердикт: надо стричь. В ответ на испуганный взгляд Жанны, спросил:

– Девушка мне доверяет?

– Доверяет, Додик, конечно, доверяет, – закивала головой Лола. – Мы же знаем, к кому пришли.

Постриг хорошо, выпрямил челочку, легонько сбрызнул лаком, совсем по верху, и удовлетворённо пощелкал языком.

С этой новой стрижкой, в дымчатых очках Жанна была хороша. Мама всплеснула руками, обняла. Анатолий не заметил, а может, сделал вид, что не заметил.

Но это уже мало волновало Жанну. Она хотела ребенка. Дочку с темными локонами и толстыми, в перевязочках, ручками и ножками. Хотела гулять с ней по парку, покупать игрушки и завязывать бантики. Читать ей сказки и водить в кукольный театр. Понимала, что об этом думает и Анатолий. С получением квартиры что-то застопорилось, и это тоже его угнетало. Стал более холодным, отстранённым и ещё более молчаливым.

Но на Новый год решили не сидеть дома. Это была инициатива Анатолия. Собиралось несколько пар с его работы, и ему предложили присоединиться. Долго выбирали ресторан – "Узбекистан", "Россию" или Дом Кино.

– Хочешь, пригласи Лану, свидетельницу свою, у нас там и неженатые вроде будут. А вдруг, кто знает?

– Конечно, конечно. Я так рада! – Жанна закружилась по комнате в восторге.

После ее свадьбы они стали перезваниваться чаще, и Жанна знала, что особых новостей у подруги нет. Прошлым летом она закончила институт с красным дипломом, но на кафедре не осталась. И самое интересное, это решение пришло после беседы со стареньким профессором, который, постоянно поправляя галстук, шепнул ей на одном из заключительных экзаменов:

– И не думай об этом, девонька. Жизнь положишь на свою диссертацию, с такой-то фамилией. И что? Будешь тут среди стариков кружиться и на них трудиться. Тебе прямая дорога в переводчицы. Людей увидишь, мир поглядишь. Тем более, что тебя хвалили.

На пятом курсе у них была практика – лучшие с курса работали переводчиками на конференциях и симпозиумах. А Лана была из лучших. Она привлекала, прежде всего, своей внешностью: спортивной фигурой, ростом, осанкой, серьезным взглядом, сдержанными манерами и блестящим владением языком. С ней было приятно работать, это отмечали многие.

А потому, Лида-большая, задействовав все свои связи, устроила дочь на полставки в авиационный техникум, а все остальное время Лана трудилась переводчицей.

Ей это нравилось, но на личном фронте по-прежнему было никак. На такой работе служебные романы не крутили. Многие однокурсницы повыходили замуж за тех физиков – математиков, с которыми они встречали год Кролика. У некоторых уже были дети. Рассыпалась их группа, а впрочем, ни с одной из девчонок она по-настоящему так и не подружилась.

Приглашение подруги Лана приняла без особого восторга:

– Ну, не знаю. Чужие люди, незнакомые.

– Ну, так тебе не привыкать. Ты каждый день работаешь с незнакомыми. А я? А Анатолий? Ты же нас знаешь, – горячилась Жанна. А потом добавила жалостно:

– Ланочка, ну, пожалуйста. Я ведь там никого не знаю.

Они замолчали на мгновение, и вдруг обе разразились смехом – каждая на своем конце провода... Смеялись громко, как когда-то в детстве, чувствуя, что этот смех освежает, насыщая кровь кислородом, наполняя душу позитивом и какой-то заряжающий энергией. Смеялись долго – две подруги – Снегурочка и Снежинка, одна серьезная, вторая – улыбчивая. Смеялись, чувствуя насколько они близки и дороги друг другу.

Вот и отлично, Ланочка, – радовалась Лида. – И чего тебе дома сидеть? Мы тогда тоже поедem к Зое, она уже второй год как зовёт. А то дом – работа, работа – дом.

Зоя – подруга Лиды по пединституту – жила в городе-спутнике, и из-за расстояния они почти не виделись. На том и порешили.

Против всех ожиданий, сотрудники Анатолия оказались достаточно компанейскими. И жены тоже. Было пару холостяков, но явно не из тех, с кем можно было познакомить Лану. Они до нее явно не дотягивали – ни в прямом, ни в переносном смысле слова.

Жанна с изумлением взирала на подружку – такой она ее не знала: улыбчивая, раскрепощенная, она не пропускала ни одного быстрого танца, выходила в круг и двигалась свободно и красиво. Взлетали шелковой волной ее волосы, так красиво бликующие при свете нарядных люстр. Совсем как в детстве, когда она играла в резиночку или прыгала через скакалку. Строгое чёрное платье, гладкие черные лодочки и тот скромный набор – крошечные сережки и цепочка с кулончиком. И всё. Ей не нужно было думать, каким нарядом украсить себя. Она украшала собой любой наряд.

Жены сотрудников шушукались, видимо, не понимая, как такая принцесса могла придти без кавалера, и тянули своих мужей на медленные танцы. Лана задумчиво потягивала вино, наблюдая, как движутся пары и, судя по всему, чувствовала себя вполне комфортно.

– Анатолий, пригласи Лану, – шепнула Жанна, легонько подтолкнув мужа. – А то неудобно как-то.

Анатолий отозвался с готовностью – церемонно наклонился, протянув руку. Джентльмен. Он совершенно другим был в компании – шутил, разливал вино, смеялся. Как разительно он отличался от того Анатолия, которого она знала уже 1,5 года – сначала вежливого, рассудительного, выдержанного, а потом – после свадьбы – отстраненного, закрытого и холодного. Как сказал тогда папа – живущего за ширмой.

Жанна с неожиданной для себя горечью подумала, что сегодня, через полтора года после свадьбы, она впервые танцует со своим мужем. У них нет особых выходов, своей компании. Даже отдыхая в Сочи, они не разу не сходили там ни в кино, ни на танцы. А он... Он, оказывается, любит не только плавать, но и танцевать, рассказывать анекдоты, шутить. Да, понятно, здесь он в своей среде, в своей компании, а дома ... Дома родители.

В полночь кричали "ура", с шумом открывали шампанское, пили на брудершафт, размахивали бенгальскими огнями, которые Жанна любила ещё с детства. Встречали год Обезьяны.

Ели котлеты "по-киевски" и дыплята-табака с пряным, чуть острым, соусом. И снова танцевали. Под "Вавилонские реки", песни из "3-х мушкетёров", Smokie и Bee Gees. И, конечно,

под АВБА. "Dancing Queen". И Лана была живой иллюстрацией к этой песне. Настоящей танцующей королевой.

К пяти утра народ засобирался по домам. Жанне и Анатолию до дома было минут 15 пешком. Ещё две пары жили рядом. Лана жила дальше всех.

– Да, ты спишь уже, – обратился к жене Анатолий. – Сделаем так. Я возьму такси и отвезу Лану. Куда ей одной в такое время? А тебя проводит...

– Я провожу, – с готовностью вызвался один из холостяков.

– Вот и прекрасно. Только до двери, Гоша, до двери, – Анатолий шутливо погрозил пальцем.

– Конечно, – согласно закивал Гоша.

Домой дошли быстро. Несмотря на несуразный вид, Гоша оказался прекрасным собеседником: он юморил, рассказывал анекдоты и истории из детства.

Согретая его вниманием, Жанна немного повеселела. Да, ей хотелось возвращаться домой с мужем, чтобы он поправлял ей шарфик и заботливо поддерживал за локоток. Но нет, конечно, Анатолий прав. Не может Лана ехать домой одна, в такое время. Не может... все правильно... Не может...

Как и было обещано, Гоша проводил до двери и терпеливо ждал, пока она озябшими непослушными руками искала ключ в новой сумке. Подарок родителей на Новый год.

Дома было тепло и тихо. Родители уже спали. Она бросила на пол пакет с нарядными туфлями, сняла сапоги и рухнула на кровать, не переодевшись. Приятно кружилась голова, и она тут же уснула. Последней мыслью был вопрос: а что подарил ей на Новый год Анатолий?

Анатолий пришел утром, около девяти. Аккуратно постучал в дверь, и она, как ни странно, услышала. Вскочила. С кухни тянуло запахом кофе – видимо, родители уже встали.

– С Новым годом! – Анатолий клюнул ее в макушку. – Я-то без ключа ушел. Вот. Не хотел вас будить, – сбивчиво объяснил он. Он проскользнул в их комнату и бросил:

– Я в душ. Устал и спать хочу – умираю.

Жанна хотела спросить, где же он ждал утра всё это время, но подумала: а зачем? Все дома, все в порядке, к чему начинать Новый год с каких-то вопросов и выяснений. Вот поспать бы ещё – это да.

6

Новый год действительно принес много нового. В феврале Анатолий сообщил, что к майским праздникам будет готова квартира. Новенькая. Две комнаты с балкончиком. Третий этаж, не последний. Не центр, понятно, но метро рядом, семь минут ходьбы.

– Ой, Анатолий, – счастливо выдохнула Жанна. – Я не верю, просто не верю!

– Подожди! – он выставил вперёд ладонь – стоп. Это был его знак, которым он любил прекращать все прения и споры.

– Есть ещё кое-что, расскажу в конце недели.

И рассказал. К лету его отправляют в Москву. Надолго – может, на год или чуть больше.

– А как же квартира? – Жанна всплеснула руками.

– А что квартира? В мае будут ключи. Сдадим. Заработаем ещё, – он подмигнул и добавил:

– Ты как, со мной в Москву?

Жанна застыла на мгновение, что значит – "со мной?" Она ему, вроде бы, жена.

Анатолий понял, что сморозил ерунду и сбивчиво пояснил:

– Смотри, там таких хором не будет. Что-то попроще. И потом... я подумал про твою работу.

– Моя работа – моя забота, – холодно ответила Жанна.

– Ты что, обиделся?

Он частенько называл ее так, в мужском роде. Она не обижалась, но сегодня это ее резануло.

– Я не мальчик, – ответила резко и вышла на кухню. Не оглядывалась. Просто абсолютно точно знала, что за ней никто не побежит. Извиняться, оправдываться – нет, это совсем не его. И к этому она уже привыкла.

В вторник у нее была очередь к Юлию Соломоновичу. Мама настояла. Она согласилась, скрепя сердцем, понимая прекрасно, что что-то с ней не так. А если не так, то что? Она была медик и отдавала себе отчёт, что нет волшебной таблетки в таких случаях. И не принесет ей аист в клюве маленькую девочку с большими черными глазами, в шелковых локонах, на которые она сможет повязывать банты.

После осмотра Юлий Соломонович участливо улыбнулся и сказал: да, бывают случаи, и можно попробовать грязи, и массажи, и, возможно, со временем, когда-то, а пока... Пока она может взять чудную девочку, да, совсем маленькую и вырастить ее, и воспитать, и не будет никакой разницы. Потом задумался и предложил придти на проверку ее мужу.

– Спасибо, я передам, – Жанна встала, зная, что ничего она не передаст Анатолию. И даже, что она сегодня здесь, она тоже ему не сообщила. Зачем?

На майские Анатолий получил ключ и взял Жанну показать квартиру.

Она была очарована – да, далеко, и третий этаж, и комнаты не очень большие, но зато – столько света! Высокие окна, прихожая со встроенным шкафом – прямо, как у родителей. И район уже обжитый – гастроном через дорогу, магазин промтоваров и галантереи. А главное – метро совсем рядом.

– Ты знаешь, – неуверенно начала она. – По-моему, где-то здесь Лана живёт. Я у нее была только два раза, не помню... Но точно, что недалеко.

– Отлично, – равнодушно бросил он. – Будешь иметь подружку под боком. А пока эта квартира пойдет на сдачу. Я этим сам займусь, не беспокойся.

А все же он хороший. Заботливый, не грузит ее решением всяких и разных проблем, – Жанна улыбнулась и провела рукой по обоям – простенькие, не из дорогих, но какие симпатичные! Ей хотелось уже сегодня начать искать мебель, прикидывать, какие занавески и люстры

украсят большую комнату. А в спальне можно повесить бра – с двух сторон, над тумбочками. Спальня просторная, все встанет, даже трюмо.

Анатолий словно услышал ее мысли:

– Через месяц – в Москву! Карету мне, карету!

И в эту минуту Жанна поверила, что у них всё будет хорошо.

Она не спрашивала о цели такой длительной командировки, не влезала в детали и не копала. Знала только, что они должны быть в Москве за месяц до открытия Олимпиады. Она никогда ещё не расставалась на такое время с родителями, и это напрягало.

– Ты что? – удивлялась Лола. – О чем ты волнуешься? Москва! Такие возможности! Может, и вообще там останетесь, кто знает? И не одна ты едешь – с мужем, – Лола мечтательно закатывала свои миндалевидные глаза, и по ее выражению лица было ясно, что за такой шанс – пожить в Москве, да ещё и с мужем, она отдала бы все.

Завполиклиниккой заверил, что ее место будет ее ждать и пожелал хорошо провести время в Москве. Хоть за это можно было не переживать.

Анатолий объявил, что квартира в Москве будет в их распоряжении с 19-го июня, а эти две недели они проживут у его родителей, покупаются в озере, погуляют по лесу.

– Хоть берёзки увидишь, – со смехом сказал он.

И в этом смехе не было ничего обидного – почему бы не увидеть берёзки? Не посидеть на берегу озера и не подышать свежим воздухом? И это после шумного города и кабинета, полного различных приборов.

– Как они ещё действуют – вот в чем вопрос, – любил восклицать Анатолий

Позвонила Лане, выслушала напутствия и пожелания счастливого пути. После той встречи Нового года они виделись всего лишь дважды: Лида-маленькая вызвалась распространять продукцию подруги среди своих знакомых, и Лана на такси привезла две большие сумки: льняные платья и ажурные воздушные жилеточки, вывязанные крючком.

По телефону болтали иногда о том-о сем, а в общем – ни о чем. Уж очень по разным орбитам кружила их жизнь.

Жанна – в своем кабинете, куда приходили страждущие, у которых болело всё, что только можно болеть: уши, суставы, спины, руки и ноги. Лана – совсем немного преподававшая в техникуме, а в основном блиставшая на симпозиумах, фестивалях и конференциях. Она оттачивала свой язык, а ее умение держаться – быть незаменимой и в то же время – ненавязчивой, контактной и умеющей держать дистанцию – все это сделало ее одной из лучших переводчиков города.

Известие о том, что Жанна летит в Москву, Лана приняла спокойно.

– Не заскучай там, – только и сказала.

– Может, удастся поработать где-то? – с надеждой протянула Жанна.

– Это в Москве-то? – Лана хмыкнула. – Отдыхай, подруга, лови момент. Ещё наработаешься. Олимпиаду увидишь.

Они поболтали ещё немного о том, что неплохо бы встретиться до отъезда, но Жанна понимала, что это просто разговоры. Тары-бары-растактары, как говорила бабушка.

Они улетели 5-го июня – до Москвы, а там – электричкой до Фрязино. Родители встретили радушно – разместили в светлой комнате с белоснежными занавесками и горой взбитых подушек на высокой кровати. И эти две недели прошли незаметно.

Анатолий часто выходил на крыльцо – пошептать с матерью, а Жанна никак не могла понять, как случилось, что она так мало знала о своем муже. Какие пути привели его отсюда в Ташкент? Чем занимались его родители, чем вообще дышала эта семья? Никто не рассказывал, а спрашивать было неловко.

Как-то, вскоре после свадьбы, она спросила его о работе и услышала в ответ:

– Любопытной Варваре ...

– ...нос оторвали, – закончила Жанна знакомую строчку таким несчастным голосом, что Анатолий удивлённо хмыкнул:

– Ну, вот, знаешь же, – и начал пространно объяснять, что он не может обсуждать свою работу ни с кем, что он не шофер, не продавец, не учитель и не инженер, и она знала об этом когда выходила замуж.

– Ты понял? – он разговаривал с ней так, как разговаривают с неполноценным ребенком.

Она сдержалась, не заплакала, но с тех пор перестала задавать вопросы. Сначала одергивала сама себя, а потом и спрашивать расхотелось как-то.

Мама Анатолия – Галина Васильевна – относилась к ней ровно, пару раз погладила по голове, вздохнула:

– Ох, девонька, девонька.

Отец – Михаил Михайлович – с ней особо не контактил, ни разу не назвал по имени и, рассматривая исподтишка, как какую-то заморскую птицу, лишь многозначительно качал головой.

Жанна не хотела мешать общению мужа с родителями, а потому тихонько уходила: погулять на озеро, побродить среди берёз, поразиться тому свету, который исходит от этих деревьев. Дитя города, она вдруг нашла необыкновенное удовольствие в том, чтобы обнять берёзу, прижаться к стволу и замереть так, не думая ни о чём. Однажды такую – застывшую, с закрытыми глазами – застал ее Анатолий. Ничего не сказал и до вечера общался с ней односложно, как будто присматриваясь.

А ещё она любила поваляться с книгой прямо во дворе, на травке, в рваной тени огромного клёна. Книжка была прикрытием – ей нравилось просто лежать, прищурившись, и наблюдать за медленно плывущими облаками – огромными и величественными, притворяющимися то замками, то скакунами, то кипами хлопка. Ещё в садике они с Ланой играли в эту игру.

– Видишь кошку?

– Вижу.

– Видишь рыбу?

– Нет, где?

– Да, воооон там.

– Это не рыба. Это акула.

– Но ведь акула тоже рыба.

Скрипнула калитка. Откуда-то вернулись Анатолий с Галиной Васильевой.

Она прикрыла глаза – не хотелось ни отвечать на вопросы, ни просто разговаривать.

– Ты думаешь, она согласится?

– А чего ей не согласиться? Время идёт, его не воротишь.

– Это да.

– Тебе уже тридцать два на носу.

– Да, помню я, помню.

Они прошли в дом, не посмотрев в ее сторону.

До нее доносились ещё какие-то обрывки фраз: "очень удобно", "справится, как все", "понятно, что никто", но Жанна уже не слушала. Она чувствовала, как приятно наливаются теплом и тяжелеют веки, и как она медленно и лениво проваливается в сон.

7

Летом у Лиды-большой было мало работы. Ну, во-первых, каникулы. Да, и с вязанием был простой. Ну, кому нужны вязаные вещи в их городе, раскалённом от летнего солнца настолько, что хочется в принципе забыть об одежде. Вот если бы они жили в Прибалтике, в Сибири или на Дальнем Востоке... Там, где прохладным вечером хочется набросить что-то на плечи. А здесь... Хотя, конечно, жаловаться было грешно – заказы были. И маечки на лямочках из льна или хлопка, вывязанные крючком, и тончайшие ажурные накидки, что-то типа коротких пончо.

"Больше дырок, чем ниток" – удивлялся Петр.

Он настолько привык к обилию вокруг себя выкроек, ниток, банок с пуговицами, спиц и крючков разных размеров, что порой, пристроившись на диване, ощущал себя чем-то, вроде большого клубка.

Чуть больше появлялось заказов, когда народ начинал выезжать на отдых – тонкие кофточки и жилеточки легко находили место в чемодане и не нуждались в глажке: встряхнул – и пошел.

Втайне Лида мечтала, что она развернется, когда Ланочка выйдет замуж. Освободится комната, которую она переоборудует в рабочую, купит вязальную машинку. Но пока это были планы.

В середине июня Лана сообщила, что летит в Москву с группой переводчиков на Олимпиаду. Дома ликовали. Когда радость немного улеглась, папа-конструктор спросил, театрально разведя руками:

– Кого же ещё посылать на Олимпиаду, как не спортсменку?

Отправились в ЦУМ за чемоданом. Дочка Лидиной сотрудницы была заведомо секции сумок и отложила им прекрасный чемодан – коричневый, с двумя блестящими замочками и удобной ручкой.

– Много не набирай, – советовала Лида дочке. Если что – купишь на месте. Я только могу представить, сколько всего будет в свободной продаже, – она закатывала глаза, представляя всё то, что купила бы в Москве – нитки, пряжу, аксессуары к ее изделиям, да мало ли что!

Лана согласно кивала. Последнее время она одевалась модно и дорого, и вязаные вещи стали составлять лишь незначительную часть ее гардероба.

На вопросы родителей "откуда такое платье или сапожки", она небрежно отвечала:

– Из чекового.

Они не копали. Переводчица. Свой круг общения. Свои связи. Хорошая зарплата. Другие возможности. Души – только французские – "Клима" в голубой коробочке. Аромат Ланы – так быстро выросшей дочери.

– Лана, – спохватилась за день до вылета Лида. – Ты же с Жанной, наверняка пересечешься, надо Лиде позвонить, может, что-то передать нужно.

– Ну, мам, – Лана встряхнула пшеничной волной волос. – Где я там Жанну найду, в Москве? И когда? У нас очень плотный график работы. Все расписано. Ты даже не представляешь. Дышать будет некогда.

– Ладно-ладно, – закивала Лида. – Но сказать – скажу в разговоре, что ты улетела, а то скрывать не очень-то красиво.

Лана улетела, дав обещание и писать, и звонить. Дом опустел. Да, она много часов проводила на работе, и порой времени не было посидеть и пообщаться, но все равно. Именно после отъезда дочери, Лида поняла, что связь с мужем давно и безвозвратно утеряна. Да, он по-прежнему был удобным и тихим, ни во что не встревал, терпел этот вечный балаган в доме, не возмущался тому, что один и тот же обед они ели по три-четыре дня. Он видел, как занята

его Лида. А вот сейчас – каникулы, заказов меньше, времени – больше. А оказалось, что и поговорить-то не о чем. Да и подружек особенно не было. Какие подружки, когда вечно и бесконечно ничего не успеваешь. Вся дружба – на переменках в учительской, где делились рецептами, рассказывали о мужьях – детях – свекровях.

Свободное время Лида решила посвятить квартире: разобрала по сортам все нитки, по номерам – спицы и крючки. Отдельно – пуговицы и кнопочки, отдельно – кружева, витые шнуры и стразики на отделку. Посветлело в зале, заулыбался Пётр. Теперь он мог свободно вытянуть ноги на диване после работы.

Как-то позвонила Лида-маленькая. Решили гульнуть. Встретились в центре и пошли в "Уголок" – кафе, известное на весь город. И ели цыплята-табака, макая сочные кусочки в пряный соус, приготовленный по особому рецепту местным поваром. Пачкали пальцы – курицу по этикету едят руками! – смеялись, много говорили о своих девчонках, поражаясь этим неслучайным случайностям. Это ж надо – оказаться одновременно так далеко от дома в одном городе.

– Жаль, что не встретятся они там, – посетовала Лида-маленькая.

– Да, Ланочка очень, ну очень занята. Это ещё Олимпиада не началась. А там не знаю, как всё пойдёт – лишь бы позвонить было время.

А потом долго вспоминали детство, школу, Дворец Пионеров, в котором проводили так много времени. Они сидели – такие разные, ведущие такой непохожий образ жизни, связанные невидимыми нитями прошлого, и радовались, что они есть друг у дружки. Есть, несмотря на редкие звонки и на ещё более редкие встречи. Говорят: жизнь развела. Может, и развела, но как же мало нужно было им, чтобы вновь почувствовать себя такими близкими и родными. А потом пошли в "Снежок" и ели быстро тающий пломбир из металлических вазочек, удивляясь, что за эти годы совершенно не изменился его вкус. Расстались довольные жизнью и друг другом, пообещав звонить чаще и встречаться хотя бы иногда.

Во время Олимпиады Лана позвонила домой всего пару раз. Сообщила, что Москва ей очень нравится, что времени совсем нет, и что она решила воспользоваться случаем и остаться ещё на неделю: погулять, походить по музеям и театрам. Она не одна и есть, где жить.

– Конечно, Ланочка, если есть такая возможность – не упускай. Это впечатление на всю жизнь. Потом расскажешь.

Лида-большая не была в Москве. Если честно, она практически нигде не была и радовалась, что у дочери жизнь складывается иначе.

Жанна звонила раз в неделю с Центрального почтамта, выстаивая там дикую очередь, а потом сообщила, что звонить будет редко, так как переезжает во Фрязино к родителям Анатолия. Там воздух, природа, озеро. В Москве они живут далеко от центра, Анатолий целыми днями пропадает на работе, и ей абсолютно нечем заняться. А в выходные Анатолий будет приезжать. После Олимпиады работы у него будет меньше, и она вернется в Москву.

– Жанна, все в порядке? – встревожилась Лида. – Если так, может, тебе домой лучше?

– Все в порядке, мам, когда ещё придется пожить вот так, как на даче? И комната отдельная, и еда вкусная.

– Тебе виднее, доча, – вздохнула Лида. После разговора с Жанной её долго не покидало чувство, что что-то происходит там, в этой далёкой Москве. А что? Об этом ей не говорилось и даже не намекалось. Но разве можно обмануть сердце матери? Поделилась своими сомнениями с Раей. Та выслушала молча, задумалась.

– Не спеши, Лида, – только и сказала. – Все разрулится. А придумывать, предполагать мы все мастера. Не нужно этого. Только себя изведешь. Было бы плохо – ты бы уже знала.

Лида понимала, что права мудрая Рая. Если бы что не так – Жанна бы не таилась. Они всегда были очень близки. Семёну решили пока ничего не говорить.

Лана вернулась тринадцатого августа. Чуть больше месяца она не была дома, а казалось – вечность. Привезла несколько мотков пряжи с серебристой нитью – люрексом, три набора симпатичных пуговиц. Лида вспомнила, что заказывала ей по телефону зелёные тонкие нитки – на отделку. Не привезла, даже не упомянула, что искала... А может, просто забыла? Да, и правда, где ей там рыскать за этими зелёными нитками? Глупости какие! Ведь не гулять по магазинам поехала – работать! Из подарков привезла лишь московское печенье в пачках и конфеты – две красивые подарочные коробки.

– Ну, что я могла вам купить, Москву в чемодане не увезешь.

– Да, ты что, Ланочка! Что нам здесь не хватает, скажи? – Лида с тревогой поглядывала на дочь. Она слегка, почти неуловимо, изменилась и стала более взрослая, серьезная – и это за месяц с небольшим. Часто о чем-то задумывалась и отвечала невпопад.

Через пару недель после приезда сообщила, что перебирается жить отдельно.

– Мама, мне уже 23 года, выросла. Пора быть самостоятельной.

– Ланочка, – запричитала Лида. – Да разве ты не самостоятельная? И работа хорошая, и зарплата. И в Москву вот съездила. И комната своя. Или мы мешаем? – Лида с обидой замолчала. – Ты работаешь много – на часы не смотришь, а домой приходишь – все убрано-приготовлено. А на съёме-то сухоматкой будешь питаться, когда тебе готовить?

– К вам забегу, поем, – улыбнулась Лана. – Мы с подружкой будем снимать, голодной точно не останусь. Последнее время и на работе частенько кормят. Не пропаду.

– А как там с мебелью?

– Все есть. Необходимое. А больше мне и не надо. Вот магнитофон заберу и цветочки свои – когда тебе за ними ухаживать? Ну, и парочку полотенец, постельное и всё, пожалуй.

– Да, конечно, – Лида обречённо кивнула, осознав, что дочь не пришла к ней посоветоваться. Она всё решила и, судя по всему – не вчера. Просто сообщила. Как сообщила когда-то, что переходит в спортивный класс "Ц" или, что уходит из плавания. Или, что будет поступать в Иняз. Лида вспомнила маленькую Лану, уже с годовалого возраста не терпящую плен коляски. Четырехлетнюю – ожесточенно срывающую с головы капроновые банты. Шестилетнюю, строящую всех в садике, а потом и в школе. Девочку, дружбу с которой искали, а она сама решала, кого оставить в своем окружении. И вот – 23 года скоро. Ни мужа, ни детей, ни жениха, ни кавалеров. На робкие попытки Лиды поговорить на эту тему дочь отвечала с неизменной улыбкой:

– Ну, мам, сейчас уже не то время. Ты, что, хочешь меня приковать к пелёнкам и кастрюлям? Железной цепью?

– Но пеленки и кастрюли – это и есть жизнь. Нормальная, обыкновенная, – пыталась возразить Лида.

– Не для меня, – коротко возражала дочь.

А один раз посмотрела на мать тем взглядом – строгим, вдумчивым, сосредоточенным, – который Лида помнила, когда Ланочка была ещё в детском саду.

– Очень целеустремлённая девочка, – так сказал когда-то о своей воспитаннице ее тренер.

Значит, есть какая-то причина в этом переезде, какая-то цель, ей, Лиде, неведомая.

– А финансово как потянешь? – Лида всплеснула руками.

Она тут света белого не видит, чтобы заработать лишнюю копеечку, портит глаза с этими шапочками, жилетками. Вечно в поиске – нужных ниток, фурнитуры, покупателей, наконец. А тут... Это же на ветер деньги, просто на ветер! Ладно бы жили в двушке. А тут – хоромы! Три комнаты на троих! Несказанно повезло тогда ее Петру.

– Мама, насчёт денег не волнуйся, – прервал поток ее мыслей голос дочери. – У подружки дядя в Индии, то ли в посольстве, то ли в консульстве, не помню. Это его квартира. На нас – только коммуналка. Ерунда на двоих. Ну, и квартиру содержать в порядке. Справимся, – она

откинула привычным жестом пшеничную волну волос и чуть улыбнулась. – Все будет хорошо, не волнуйся. Да, телефона там нет, звонить буду сама.

– Что ещё Петя скажет? – вопрос был явно риторический.

Муж не вдавался в происходящее в семье, его мнения особо не ждали. Да он и не стремился его высказывать, полностью отдав бразды правления в Лидины руки.

У него была своя зона комфорта дома, и Лида, поняв это, не нарушала его спокойствие. Возможно, ей было так удобнее, а, возможно, она как-то интуитивно понимала, что ни скандалы, ни просьбы не приведут ни к чему: человека не изменить.

"Бачили очи, шо брали," – это была любимая поговорка ее мамы.

С переездом немного затянулось – квартира, как выяснилось, была на съёме и должна была освободиться к ноябрьским. Лида эту тему больше не поднимала – авось забудется, пере думается.

Не забылось и не передумалось, и после праздника Лана переехала.

Да, мечталось Лиде, что вот оперится Ланочка, вылетит из родительского гнезда, и в ее комнате она оборудует что-то типа кабинета. И вот – комната свободна, но ни руки не лежат, ни душа. Камень на сердце. Не таким она представляла этот переезд – думала, найдет дочка достойного парня, умного, красивого – по себе. Сыграют свадьбу, все по чести, как у людей.

Как у людей. Вспомнилась свадьба Жанны – пышная, богатая. И жених достойный – и устроен, и видный, статный. И стол был на славу – Семён постарался, и музыка. А какой торт свадебный! Вот уж, не родись красивой! Да, на свадьбе Жанна была мила, но не дотягивала она до Ланы.

А впрочем, кто дотягивал? Лида носила на работу фотографии Ланочки – они с сокурсницами нашли фотографа, который поснимал их в парке, на берегу Анхора после выпуска. И все девчонки вроде хорошие и симпатичные, но Лана... Высший пилотаж! Так ей сказали в учительской, передавая из рук в руки фотографии. Высший пилотаж, а счастья нет. Вспомнилась, что очень давно не общалась с Лидой – и Ланин переезд, и заказов набрала – осень – зима это самый сезон. Надо бы позвонить.

Лида-маленькая позвонила сама в конце недели.

– Можешь нас поздравить! – объявила торжественно.

– С чем?

– С новым званием! – чувствовалось даже по телефону, что подругу распирает от счастья. – Жанна родила. Мальчик у нас! И я теперь бабушка! Представляешь?

– Ой, Лида, вот радость какая! Я как чувствовала, все позвонить хотела, узнать как вы там. Когда?

– Третий месяц уже ему. Недоносила Жанночка, но сейчас уже все в порядке, догоняет в весе, слава Богу!

– Вы были, навестили?

– Нет, – погрустнела Лида. – Жанна не хочет, чтобы мы сейчас приезжали. Она живёт у родителей Анатолия. Говорит, что там не разгуляться, дом небольшой. Но ей помогают, све- кровь на пенсии. Справляется.

– Ну, Лид, ты даёшь... Я бы уже летела.

– Нет, Лидусь, не хочу я между ними создавать раздор. Я так поняла, что Анатолий не слишком за то, чтобы мы сейчас приезжали. Зима скоро, вирусы всякие, не нужны малышу посторонние сейчас. Нет, так нет. Ждали долго, подождём ещё.

– Это да, главное, чтоб здоровеньким рос.

– И счастливым.

– А назвали как? В честь кого?

– Просто Дима. Ни в честь кого. Анатолий так захотел.

– Ну, а что, красивое имя. Дмитрий. Дмитрий Анатольевич. Вполне себе.

– Да, – грустно отозвалась Лида-маленькая. – Если бы ты знала, как мы по Жанне мы скучаем. Полгода почти не виделись. В жизни не могла бы подумать, что смогу выдержать столько времени.

– А когда домой?

– Понятия не имею. Жанна толком не говорит. Вроде, изначально на год его отправили, а там – кто знает. Работал бы здесь – чем плохо? И квартира отдельная есть. И мы под боком, ребенка бы нянчили. Помогали. А так что? С работы уволилась, даже декретные не получила. И вообще, неправильно все это. Ехала в Москву, а приехала во Фрязино. А жить со свекровью, которую и не знаешь толком. Сама понимаешь, – Лида вздохнула.

– Ну, подруга, тебе не угодишь. Внук родился, да ты летать должна от счастья!

– Да я и летаю, не видно разве? – Лида помолчала. – Ладно, что все о нас да о нас? Что у вас слышно? Ланочка как?

– Ланочка, – Лида-большая помолчала. – Не живёт она с нами, ушла. С подружкой какой-то снимает квартиру.

– Да ты что? А что дома не так?

Лида почувствовала, что ещё немного – и она расплчется от этого простого вопроса. От обиды, от непонимания происходящего. Это на работе она держала хвост трубой, с улыбкой сообщая, какая успешная и самостоятельная ее дочка. Не сидит на шее у родителей, отделилась, сама берет ответственность за свою жизнь. И ловила изумлённые и восхищённые взгляды коллег, чьи дочери привели в родительский дом молодых мужей, родили первенцев и толклись все вместе в крошечных квартирах. Три поколения. Ползунки на верёвках на кухне, коляска на пол-коридора, диван-раскладушка в зале. Спальню-то отдали молодым. В тесноте, да не в обиде, как они говорили.

Какое там не в обиде! Лида-большая прекрасно помнила проживание в пристройке у свёкра и свекрови. И вроде, отдельно же жили, а сколько обид лежит тяжёлым грузом в памяти. Нет, уже не болит давно, но помнится. И никуда не деться от этой памяти, от замечаний свекрови: и белье вывешено не так, и борщ не того цвета, и дочка худющая, чем ты ее кормишь?

– Лида, ты там не хандри, – оторвал ее от воспоминаний голос подруги. – Ты что? Плачешь, что ли?

– Нет, не плачу, – она всхлипнула, вытирая глаза рукавом мягкого байкового халата. Два тогда купила – себе и Лане. Выбросили в конце месяца в ЦУМе. Красивый такой халатик, с пояском, с кармашками, воротничок круглый, манжетики на пуговичках. Польский вроде. Нарядный. В таком и гостей встречать не стыдно. Лана тогда сказала, что не наденет. Красивый, тепленький, но она просто не любит халаты. Это не её. Так и сказала – не мой стиль.

Лида-маленькая почувствовала настроение подруги.

– Слушай, может повидаемся? Приезжай, а? Семён на работе с утра до ночи. Посидим, поболтаем. Помнишь, как раньше?

– Ой, Лидусь, и не знаю, если честно. Работы полно. И школа, и заказы. Да и по дому никто не отменял ничего. Купить, сготовить, прибрать, постирать. Ну, ты же сама понимаешь.

– Ну, да, ну, да, понимаю. Кто ж поймет, если не я – по дому работа никогда не кончается. Давай уже до весны доживем, а там посидим где-нибудь, помнишь, как тогда?

На том и порешили. До весны. Лида-большая записала адрес во Фрязино – надо Жанночке хоть подарочек выслать для малыша. Уже задумка заиграла в голове: пинеточки, свитерок с пуговичками на плече и шапочку с большим помпоном из разноцветных ниток. И рукавички можно. Москва – это не Ташкент. Там зимы посуровее.

8

Зима тянулась долго. Из школы Лида приходила уже в сумерках. Ужин. Посуда. Проверка тетрадок. Только к вечеру освобождалось немного времени для вязания. Она любила и сам процесс, под который хорошо думалось, и результаты – нарядные шапочки, свитера со сложными узорами, уютные шали с длинными кистями, мягкие шарфы. Покупатели были – ее уже знали и работать впрок почти не приходилось – все под заказы.

Связала и отправила комплект для маленького Димочки. Представила, каково Лиде и Семёну – внук родился, а вот – и не обнять, и не искупать, и не потискать. Да и дочку не видели непонятно сколько. И надо бы позавидовать, да не завидует. У нее Ланочка, вроде, здесь, в одном городе, и звонит, и забегает, а все равно. Не то. И не так. Вспомнила, как вечерами маленькая Лана любила сидеть рядом и молча смотреть, как обычный крючок рождает затейливые узоры в ловких маминых руках. А потом, когда подросла, кидала советы – по поводу цветов и фасонов. И все по делу.

Потом был период, когда сама взяла в руки крючок, а потом и спицы. Сумки вязала. Выдумщица. Красотка. И на работе успешная. А вот счастья нет. Лидины думы прервал звонок.

– Мам, приветтики, как дела? – так обычно Лана начинала беседу. – Все нормально?

– Да, всё по-старому, без новостей. Ты как?

Лана была только три дня назад. Забежала накоротке, даже не пообедала. Забрала свитерок из тех ниток, с люрексом, которые привезла из Москвы. Чмокнула – спасибо-спасибо; даже не примерила.

– Мам, ну что мерить, ты что, мой размер не знаешь?

И правда. Знает, конечно. И свитерок свободный, рукав "летучая мышь".

И вообще, что дочка ее не наденет – всё сидит, как на кукле с витрины. Стандартная фигура. Рост. Но всё же хотелось посмотреть.

– Мам, слушай. У меня тут срочная командировка. Очень срочная. Завтра утром вылет. Так что, прощаюсь по телефону.

– Ланочка, боже мой, куда?

– В Москву, мама. На недельку всего. Ну, ладно, пока, целую. Постараюсь позвонить, когда прилечу. Папе приветтики.

– Счастливого пути, Ланочка! – Лида не была уверена, что дочь ее услышала.

Гудки отбоя многоточием бились у нее в сердце. Как-то вдруг, в одну минуту, она поняла, что выросла Лана. Окончательно. Выросла и отделилась. Живёт своей жизнью и не считает нужным посвящать ее в подробности. Живёт отдельно уже с ноября, но ни разу не позвала родителей в гости, почаевничать и вообще – посмотреть, как она устроилась. Как-то Лида намекнула, но в ответ услышала, что это не слишком удобно, ведь она там не одна. Больше она этой темы не поднимала, хотя не выдержала и поделилась с учительницей домоводства, самой близкой подружкой по работе.

– Слушай, Лида, – горячо зашептала ей в ухо Света. – А не загуляла ли там случайно моя тезка? – Она заговорщически обвела взглядом учительскую. – Может, кавалер какой появился. А она тебе про подружку рассказывает.

– Да ты что, в своем уме? – Лида задохнулась от возмущения. – Ты что, Лану не знаешь? На твоих глазах росла.

– Росла-росла и выросла, – многозначительно хмыкнула Света и добавила:

– Ты по нам не суди. Мы другие. И время другое. И жизнь другая покатила. – Но, увидев застывший взгляд Лиды, пошла на попятную:

– Да, не волнуйся ты. У Светланы Петровны с головой все в порядке, не дитя, взрослая. И точно понимает, что делает. Да, хотела спросить – пришла партия шерсти, три цвета. Тебе брать?

Из Москвы Лана позвонила только раз, сообщила, что работы много, но есть и культурная программа, и по магазинам надеется погулять.

– Ланочка, а до Жанны не доберешься? С сыночком поздравить, представляешь, как она обрадуется? У меня и адресок есть.

– Да ты что? Откуда время? Она, вроде, не в Москве? Нет, не успею за неделю, столько всего – ты не представляешь. Погода класс, холодно, но ясно. Ну, ладно, папе приветики. Целую, – и опять многоточие отбоя.

Лана вернулась через неделю с богатыми подарками – посвежевшая, отдохнувшая, с настроением. Эта командировка явно пошла ей на пользу. На вопрос " где была? " ответила , мечтательно улыбнувшись:

– Ой, и где только не была.

Лиде привезла духи "Быть может" и двухэтажный набор косметики – а там и тени, и румяна, и тушь, и помада. Щёточка и две кисточки – большая и маленькая. И крошечная расчесочка – для ресниц.

– Будешь краситься, – сказала категорично и строго.

– Буду-буду, – послушно закивала Лида. – Как же такой красотой и не краситься.

Отцу – две рубашки: однотонную из плотного полотна и тоненькую – в полоску. А ещё галстук и кожаный ремень с замысловатой пряжкой.

– Боже, Ланочка, да откуда такие наряды? Не отец у нас теперь, а жених просто. Петя, иди примерь обновки.

– "Лейпциг", – небрежно бросила Лана. – А твоя косметика из "Ванды". Да, и вот ещё: вафли шоколадные и конфеты.

– Ну, кормилица просто, дожили – дочка нас балует. – Лиду просто распирало от гордости. – А себе что- то прикупила?

– Да, так, по мелочам.

И пили чай на кухне, как всегда, и смеялись, и расспрашивали Лану про Москву.

Лида была счастлива – дочка успешная, здоровая, красивая, с блеском в глазах. Востребована и зарабатывает прекрасно. Иначе, откуда бы такие подарки? И нечего ей волноваться насчёт семьи и детей. Придет и ее время.

К весне сбылась Лидина мечта: она приобрела "Северянку" – новенькую вязальную машинку – и окончательно перебралась в "детскую" – комнату Ланы. Заработавшись допоздна, порой и спать ложилась там, чтобы не будить Петра. Он не возражал.

Зима, измучив слякотью, мокрым снегом и перепадами погоды, как-то незаметно отступила, и уже в конце марта весна окончательно заявила о себе. А апрель! Апрель был прекрасный, как всегда – солнечный, теплый, цветущий, наполненный ароматами и красками.

Петр по выходным часто ездил к родителям, а Лида находила отговорки – дома дел невпроворот и отдохнуть надо. Совсем, ну совсем не тянуло ее на старую квартиру.

В один из таких выходных встретились с Лидой. В кафе не хотелось – просто взяли по мороженому и долго гуляли по парку, а потом просто сидели на скамеечке, вдыхая воздух, напоенный весной и обсуждая, все, что только можно было обсудить. Лида-маленькая принесла фото Димочки – наконец-то Жанна прислала.

– Какой бутуз! – восхитилась Лида-большая. – Просто богатырь растет, чтоб не сглазить!

– Ну, да, в отца, Анатолий высокий. Раскормила его Жанна там на свежем воздухе, – и добавила с гордостью:

– Сама кормит, никаких смесей не признает.

Долго решали на кого похож. На чёрно-белой фотографии не очень было понятно. Но светленький, не в Жанну.

– Анатолий в детстве такой был – блондин практически, а вот потемнел с годами, – Лида-маленькая мечтательно прищурилась. – Дай Бог, Жанна прилетит к августу. Годик справим малышу.

– Насовсем?

– Нет, у Анатолия работа до Нового года. Может, уговорю – пусть уже останется с ребенком, что ей там, у свекрови? Живёт пусть у нас, комната ее свободна. А через несколько месяцев и муж приедет. Она может уже с осени и на работу выйти, а я ребенка буду смотреть. Как ты думаешь, Лида?

– Это им решать, не вмешивайся. Предложить можешь, конечно, но не больше. Не очень это – жену от мужа отрывать!

– Да, а дочь от родителей, а внука от бабушки с бабушкой! Это можно? Ну, пусть Жанна возвращается себе в Москву к своему мужу, а ребенка здесь оставит.

– Да, подожди! Они ещё не приехали, а ты уже планы строишь, как ребенка выкрасть.

– Скучаю я, Лидусь. Ты вон себя загрузила по макушку, а я дома всю дорогу. Даже была мысль куда-то устроиться, вот куда – не знаю. Не пойду же я сосисками торговать, Сема в жизни не согласится. Так и говорит:

– Ну, чего тебе не хватает?

Обе замолчали, переваривая тот факт, что при их разных образах жизни, разном материальном уровне, они обе недовольны. У одной – золотая клетка. У другой – погоня за лишней копеечкой после основной, не самой любимой работы. А время бежит, пятый десяток к концу идёт.

– Да, Лидусь, Жанна подарок твой получила, спасибо передает огромное, все впору.

– Так я специально на вырост вязала, детки, они же разные.

Вспомнили своих девчонок в детстве – толстуху Жанну и худющую неприметную Ланочку.

– Как там красавица наша? Встречается с кем-то?

– Да нет, вся в работе, в поездках. Недавно в Самарканде была почти неделю. Ой, Лида, – внезапно всхлипнула и аккуратно промокнула глаза платочком, чтобы не потекла Ланочкина косметика. – Осенью 24 уже. И что делать с этим – ума не приложу.

– А ты говорила с ней? – осторожно поинтересовалась Лида-маленькая. – Ты прости, если лезу не туда. Ланочка, как дочка мне, ведь и рожали вместе. Может, познакомить ее надо? Найти хорошего парня.

– Да где ж его найдешь? Пару раз давали ее телефон, ещё года два тому назад. С одним только поговорила несколько минут. Забраковала уже по телефону. Со вторым вышла вроде, но ненадолго. Вернулась взбешенная просто, как сейчас помню, – Лида задумалась, вспоминая. – Сказала, чтобы больше никаких телефонов. Уж не знаю, что там было.

– Да, непросто, – согласилась Лида-маленькая. Ланочке твоей трижды непросто. Лишь бы с кем она не пойдет. Умница. Красавица. Образованная. Ей уровень нужен. Человек серьезный, а не молодняк этот, который потом на твою шею сядет. – Она тихонько сжала руку подруги:

– Слушай, Лид, а может у нее есть кто-то? Просто не говорит.

– Да, ты что? – Лида сбросила ее руку. – Вы сговорились, что ли? И Светка Петровна на работе, и ты. – Она прикусила губу. – Знали бы мы. Ну, я – так точно бы знала.

– Лидусь, ты же знаешь, я не хочу обидеть, просто рассуждаю. И Ланочке желаю того, что Жанне своей, не меньше.

– Да знаю я, Лида, прости меня, сорвалась что-то. На нервах вся.

– Да, ничего-ничего. Все в порядке. Вот приедет Жанна с малышом, может, Лана познакомится с ним и тоже захочет. Встрепенется.

– Все может быть, поживем – увидим. Да, Лидусь, у Семёна в июле отпуск, – перевела тему Лида-маленькая. – Хотим выехать куда-то, от жары сбежать. Давление у него скачет. В общем, заказы принимаешь?

– Для тебя – без очереди. Реши, что хочешь и какую вязку – ручную или машинную. У меня теперь машинка есть, – грустно похвасталась она. – И ниток полно, разных. В общем, звони.

На том и расстались.

9

В июле Семён с Лидой улетели на Иссык-Куль, в тот старый ведомственный дом отдыха, в котором отдыхали с маленькой Жанной. Была опция в Ялту, в санаторий, но Лиде захотелось природы, тишины, покоя, маленьких базарчиков с ведрами ягод и фруктов, прохладных вечеров и бархатного звёздного неба.

– Что Ялта? Из города в город. Шум – гам. А тебе отдохнуть нужно. Без цивилизации. Давление в норму привести. Природа – она лечит.

Семён согласился беспрекословно. Пусть будет Иссык – Куль. Только бы сбежать от жары, поплавать, расслабиться. Поесть вволю ягод и солоноватого сулугуни. Порыбачить. Сначала думали ехать на служебной машине, а потом решили – чего трястись эти 1000 километров, когда самолёт – минут 45 – и ты на месте.

Иногда Лида думала: повезло ей с мужем. И обеспечивает: дом полная чаша. Все, что надо – только скажи: и достанет, и принесёт. Да, приходит поздно. Иногда очень поздно, но она никогда не спрашивает, где и почему. А зачем? Работа такая. Ненормированный рабочий день называется. Дочку обожает. Не знает, как нарядить. Да, с зятем как-то не срослось у них. Ну, так это потому, что вместе живут. Да, и зять – не пацан, не инженеришка с проектного института. С таким контакт наладить непросто. Ему свое пространство нужно. Семён с первого дня после свадьбы детям сказал: зарплату на самостоятельную жизнь откладываете, переедете – будут большие расходы.

– Что, у меня ещё на одну тарелку супа не хватит? Грош мне цена тогда, – так он сказал Лиде.

На том и порешили. Анатолий не протестовал. И вот: в Сочи Жанночку свозил прошлым летом. Сам, без копейки помощи. Да, и в Москве семью содержал. Не нахлебник, не паразит.

А Сёма ее? Да, добрых слов от него не особенно услышишь. Если честно, совсем не услышишь. Ни комплиментов, ни цветов. Грубоват, резок порой. Ни подойти, ни обнять мимоходом... нет, это не про него. Ворчит частенько, но с другой стороны – не спорит по мелочам, не мотает душу по пустякам. Он – голова, конечно, но шея – это она, Лида. И жизнь – это не кино. Нет идеала. Радоваться надо хорошему, тому, что есть. И за всё есть своя цена.

Отдохнули неплохо: с утра загорали, плескались в прохладной воде озера, днём спали в уютной прохладе вагончика, а вечерами, как и много лет назад, ходили в кино. И так же, как и тогда, Лида считала упавшие звёзды и не знала, чего ей загадать, разве что здоровья для всех.

Две недели пролетели мгновенно. Традиционно увезли с собой ведра с малиной и черной смородиной. Будут малышу витамины на всю зиму. Кисель сварить или морс. Лида уже как-то свылась с мыслью, что Димочка останется у них. Ему в конце августа годик – можно с ним по паркам погулять, в зоопарк сводить. Что ему там делать – в деревне? Березы считать?

Жанна с Анатолием прилетели в середине августа дневным рейсом. Встречали их с цветами, и со слезами, и с объятиями. Плакала Лида, оторваться не могла от дочери. Семён и Анатолий, пожав руки друг другу, смущённо улыбались в сторонке.

– А где малыш наш, Димочка? – опомнилась Лида.

Семён на корточках сидел возле коляски со спящим малышом.

– Ой, красавчик какой! – запричитала Лида. – Бутузик! А щёки, щеки-то какие!

– Тише, мама, разбудишь, пусть спит, устал он в самолёте.

– Пусть-пусть, конечно, – согласно закивала Лида, переходя на шепот и хватая коляску. – Я повезу, хорошо?

И они пошли к машине – гордая Лида с коляской, Жанна с букетом и с отцом под ручку и замыкающим – Анатолий с чемоданами.

Доехали без приключений. Жанна щурилась от солнца, которого ей так не хватало, и по которому она так скучала дождливым российским летом. Это не Россия. Там куртки, шарфы и зонты. Низкое небо. Торопящиеся куда-то или откуда-то облака. А здесь ещё даже и не пахнет осенью.. Ещё не пришло время, когда дворники собирают рыжие нарядные охапки листьев в огромные кучи и безжалостно поджигают. Горят осенние костры, тонкими сизыми струйками тянется к небу дымок, похожий на джина, выпущенного из горлышка бутылки. И весь город наполняется таким родным, щемяще-грустным запахом осени, который не спутать ни с чем.

Дома все было, как всегда и в то же время – иначе. Она не была здесь больше года, подумав страшно. Медленно походила по комнатам, привыкая. Открыла и закрыла крышку пианино, провела пальцем по старой фотографии в рамочке – Снегурочка и Снежинка. Привычно сложив лодочкой ладонь, напилась из-под крана. Где там Москве! Нет такой воды – ледяной и сладкой – наверное, больше нигде в мире. Проснулся, закапризничал малыш. Жанна развела что-то из коробочки, покормила и уложила его в своей комнате на диване, обложив подушками.

Лида позвала к столу – наготовила, как на свадьбу – и салатики, и соленья. На горячее – голубцы, Жаннины любимые, со сметаной с Алайского. Лепешки, которые привычно ломали руками, и макали в горячий соус. Мамина стряпня. Запах дома, по которому она так скучала, стараясь отогнать от себя грусть, которая порой накрывала ее с головой. А фрукты! И дыня-красномяска – осенний сорт, который так любила Жанна, и удачно выбранный арбуз с сухим хвостиком, который протяжно зазвенел под уверенной ладонью отца и с характерным треском распался на две половинки под ударом узбекского ножа, обнажив сочную алую мякоть. А черный виноград без косточек, который она в детстве ела целыми гроздьями. Нет такого в Москве! Нету.

Внезапно Жанна почувствовала, что душевной волной поднимается в ней протест, подступая прямо к горлу, не давая дышать легко и свободно. Что она забыла там, в этом Фрязино, по сути, у чужих людей? Нет, они относились к ней нормально, но как-то отстраненно, с прохладцей. Вспомнила слова папы: "как за ширмой". А здесь, только здесь, она дома. По-настоящему дома. В своей семье и в своем городе.

" Не нужен мне берег турецкий,
Чужая земля не нужна."

Кто это пел? Неважно. И ей не нужны ни эта Москва, ни, тем более, это Фрязино, в котором можно побездельничать пару недель. И все.

Мама испекла ее любимый бисквит, который она так любила есть с фруктами. Без всяких кремов и начинок. Просто бисквит: высокий, мягкий, нежно-жёлтый, с румяной корочкой, тающий во рту. И от этого знакомого вкуса и запаха хотелось плакать.

– Надолго в отпуск? – издалека начала Лида.

Она исподтишка поглядывала на Жанну и понимала, что не отпустит больше дочку никуда – ни в Москву, ни в Париж, ни в Лондон. Ее внучок должен расти, видя счастливую и улыбающуюся маму. А этого счастья на лице дочери она не увидела. Да, самолёт, дорога, усталость. Но все равно. Все равно.

– Мы до середины сентября, – поспешно ответил Анатолий.

– А потом? – встрял Семён. – Что потом?

– В конце года возвращаемся окончательно. Переедем в новую квартиру. Будем жить отдельно. Отдохнете от нас.

– Да мы уже отдохнули, – задумчиво произнес Семён. – За год с лишним-то.

– Что ты такое говоришь, Сёма? – Лида замахала руками. – Кто отдохнул? Мы что, устали от них? Да живите, сколько нужно. Сколько хотите.

– Работы много в Москве? – Семён пристально посмотрел на Анатолия.

Тот неопределенно пожал плечами.

– Вот и я так думаю. А чего жена твоя в деревне живёт? Ну, во Фрязино этом вашем? Ладно, там пару-тройку месяцев, когда малыш родился. Помощь нужна, понимаю. А сейчас-то что? Мальчик взрослый. Она не работает. И сама с ребенком справится. А то что же это получается? Ехала в Москву с мужем, а приехала во Фрязино к свекрови и свекру?

– Сёма-Сёма, успокойся, – Лида с тревогой поглядела на мужа, прекрасно понимая, что буря не за горами.

– Что Сёма-Сёма? Что Сёма-Сёма? – голос отца набирал силу. Крещендо. Это то, что Жанне не очень давалось на уроках фортепиано.

– Значит, так, дети мои дорогие, – рука Семёна резко легла на стол, словно впечатывая в него все слова. – Три с лишним месяца у вас после отпуска остаётся в Москве этой.. Когда папану годик? – он обернулся к Жанне

– Тридцать первого августа, – почти шепотом ответила Жанна, опустив глаза.

– Вот и замечательно, – Семён положил себе на тарелку аккуратный треугольник арбуза. Попробовал, хмыкнул удовлетворённо – сладкий!

– Вот, отпразднуем внука, а дальше... поедешь ты, зять мой любимый, в Москву – столицу, а Жанна с Дмитрием Анатольевичем здесь останутся, у нас. Нечего ей там делать с малышом в эти морозы. У нас зимы помягче, а осень вообще сказочная. Погода, фрукты, сам видишь, – он обвел взглядом стол. – Жанна, если захочет, может на работу выйти на полставки, место хорошее – терять жалко. Да, и закисло она дома. А внука есть кому присмотреть. Что скажешь, Лида?

– Конечно, справлюсь. Мальчик уже взросленький. У нас тут все рядом – и зоопарк, и парк хороший. Есть, где погулять. А ты вернёшься, – обратилась она к зятю – переедете, и все будет нормально.

Анатолий сидел молча, не поднимая глаз.

Жанна сосредоточенно складывала какой-то узор из черных, блестящих, словно покрытых лаком, арбузных косточек. Они скользили на тарелке, упорно не желая вставать на нужное место.

– Ну, вот и порешили, – удовлетворённо сказал Семён, вытирая руки салфеткой. Пойду, папана посмотрю, а то заспался он. Что ночью делать будет?

Неделя прошла тихо, словно и не было того разговора за столом. Анатолий был сдержан, немногословен, впрочем, как всегда. Или сидел в их комнате, или выходил на полдня, кинув Жанне:

– Мне тут надо выйти.

То к товарищу, то на работу прежнюю заскочить. То на переговоры с жильцами квартиры. Она не вдавалась в подробности – надо, так надо. С собой не звал.

Жанна с Лидой выгуливали малыша в парке рано утром, до жары. Серебрились под лучами восходящего солнца паутинки-телеграммки, разлетаясь по неведомым никому адресам. Только-только начинали желтеть листья, пронзительно синело небо, и облака по-прежнему притворялись замками, летящими скакунами с развевающейся гривой и рыбами. Как в детстве.

Лида нарадоваться не могла на внука: такой крупный мальчишка, развитый не по возрасту. Аппетит хороший, ест все подряд, не капризничает. Акселерат. Все-таки в деревне детки другие растут – крупнее, здоровее. И, может, неплохо оно, что Димочка первый год жизни провел, как на даче.

Так думала Лида, тщетно пытаясь найти в чертах малыша что-то от Жанны. Нет, другая порода: светленький малыш, практически блондин, если не потемнеет только. Но щекастый и улыбчивый, как Жанна в детстве. Та до полутора лет из коляски не вылезала, а этот уже бегаёт вовсю. Вот оно, смешение кровей. Богатырь растёт. Лида хотела сходить с ним в районную

поликлинику, поставить на учёт. Жанна воспротивилась. Что зря ходить по поликлиникам, заразу там хватать. Ведь Димочка здоров. Вот, если, не дай Бог, то тогда...

На работу свою бывшую ребенка не взяла – ты что, мама, там больных полно, нечего там ему делать! Но сама сходила, поговорила с завполиклиникой по поводу трудоустройства. Обещал с октября взять на полставки. Пока близко, удобно: 15 минут пешочком – и ты на месте. С новой квартиры придется добираться. Благо, есть метро. Заглянула в свой кабинет, наобнималась с Лолой, и только здесь, на месте своей работы, поняла, как же долго её не было.

И столько изменений, не узнать ничего.

– Ремонт у нас был, видишь? – похвасталась Лола.

Конечно. Конечно, она видела: и свежие стены, и новые занавески, делившие пространство на отсеки. И несколько новых приборов, о которых не имела понятия. И картина на стене: натюрморт с грушами.

– Рашидик постарался, – так ласково Лола называла своего дядю. – Не волнуйся, несложно, научу. А вот куда он эту Людмилу денет, ума не приложу, – шепнула она Жанне на ушко.

Людмила была новая завкабинетом, которая бросала на Жанну недовольные взгляды.

– Ну, ладно, беги, Людмила сердится. Работа – это наше всё, – смешно передразнила Лола свою начальницу.

10

День рождения Димочки справляли дома. Буквально за два дня до даты прилетела Рая, отдыхавшая летом в Каунасе. Она просто прикипела к малышу и не спускала его с рук.

– Молодец, – сдержанно похвалила Жанну. – Видела я этих семимесячных – ну, такие заморыши. А твой – богатырь богатырём!

– Ну, так она сама кормила, Раечка, – объяснила Лида. – Никаких смесей. И вот – результат. В одиннадцать месяцев пошел, как тебе нравится?!

– Да, детки сейчас ранние, – одобительно кивнула Рая. – Жить торопятся. – А где рожала – в Москве или во Фрязино?

– В Москве, Анатолий договорился.

– Рад, небось, что пацан, – было непонятно, одобряет Рая Анатолия или осуждает. – Сама-то – помню – дочку хотела. С бантами.

– Будет и дочка, – встряла Лида. – Какие ее годы. Поднимем Димочку, а потом родит для него сестрёнку. Здесь, у нас, под присмотром. И поможем, и посидим, и принесем. Правда, Жанна?

– Ой, мама, Димуле только годик, не о чем говорить пока.

Сидели в большой комнате, поднимали тосты за именинника, за маму-папу, бабушку-бабушку. Долго и шумно выясняли, кем же приходится Димочке Рая.

– Я не знаю, как я называюсь, но то, что это мой внучок – знаю точно, – гордо провозгласила Рая. А Лиде даже взгрустнулось – вот ведь как бывает. Из Раи такая бы жена была, такая мама и бабушка, а вот – Бог не дал.

Анатолий за столом немного растерял свою холодность, чокался, выпивал, закусывал, рассказал пару анекдотов – напомнил Жанне того Анатолия, которого она помнила на встрече Нового года в ресторане "Узбекистан". Поднял тост за Лидины золотые руки, и Жанна видела, как это по-настоящему было приятно маме.

Тема Жанниного отъезда больше не поднималась – ни за общим столом, ни тогда, когда Жанна с Анатолием оставались одни. То, что она остаётся, стало понятно само-собой.

В доме, непонятно как и откуда, появились высокий стульчик, кровать, которая пока стояла в зале. Жанна слышала, как мама по телефону заказывает Лиде-большой шапочку (ну, такую, чтобы ушки закрывала), теплые толстые носочки, свитерок и так, по мелочам – рукавички, шарфики.

Лида долго шепталась с Семёном, и через несколько дней тот принес два трикотинных отреза.

– Для Галины Васильевны от нас подарочки. За Жанну спасибо, за Димочку, за помощь. Папе не знали, что взять, Анатолий. Сёма достал костюм спортивный, всегда пригодится. И для дома, и погулять можно.

Анатолий благодарил сдержанно, складывал все в чемодан. А Жанна с радостью понимала: не будет разговоров и разборок, которых она так не любила. Анатолий почти никогда не повышал на нее голос, но от его голоса, его поучительного тона веяло таким холодом, что она чувствовала себя провинившимся ребенком, которому хотелось съежиться в комочек, спрятаться под одеялом, исчезнуть. Взрослый. Вежливый. Спокойный. Умный. Основательный. Рассудительный. Все эти качества, которые нравились ей перед свадьбой, очень быстро потеряли свое очарование и свою притягательность.

Она вспоминала, как они трепались и хохотали с Ланой, секретничали с Лолой, болтали по дороге из ресторана с Гошей. С этим почти незнакомым Гошей, который нес пакет с ее нарядными туфлями, проводил ее до двери и терпеливо ждал, пока она найдет ключ. А по дороге рассказывал какие-то случаи из жизни, анекдоты. И они смеялись. Вот, вот... смеялись.

А с Анатолием – нет. Не было у них общих тем, общего смеха, общих слёз, общих воспоминаний. Да, была поездка в Сочи, но о ней Жанна предпочитала не вспоминать.

Пусть едет, в Москву, во Фрязино, куда угодно. А они с Димочкой останутся здесь. Может, им надо расстаться, соскучиться, оценить. На расстоянии это проще. И не нужно искать черную кошку в темной комнате, особенно, если её там нет.

Полет был ночной, а потому решили, что в аэропорт Анатолия отвезет Семин личный шофёр. А то иди, найди такси в такое время.

– Дома попрощаетесь, – решил Семён. – Саньке домой от аэропорта совсем недалеко, нечего его гонять.

Посидели на дорожку. В последнюю минуту запихнула Лида зятю в чемодан сухофрукты и орешки, а дыню – огромную и тяжеленную – Анатолий не взял. Под взглядами тещи и тестя он неловко обнял Жанну, клюнул ее в макушку, пообещал звонить и вышел в ночь.

В каком-то любовном романе была фраза: они ещё не расстались, но уже чувствовали, как скучают друг по другу и не представляли, как смогут пережить эту разлуку. Тогда она очень сочувствовала героям, а сейчас тщетно искала у себя внутри нечто подобное. Скука, разлука – какие-то книжные понятия, не имеющие ничего общего с реальностью. А реально то, что кровать Димочки перекочевала из салона в ее комнату и встала рядом с диваном, который, наконец, в собранном виде стал обычным диваном, на котором удобно устроиться с сыном и читать ему книжки.

Сентябрь пролетел незаметно, радуя теплой погодой. Жанна много гуляла с ребенком, наслаждаясь солнечными деньками. Лида-маленькая позвонила подруге, пригласила приехать вместе с Ланой, познакомиться с Димочкой.

– Приеду, – пообещала Лида. – И заказы твои привезу – все готово. Мой подарок на годик внучку.

– Спасибо, Лидусь. А Ланочка придет?

– Ланочка опять улетела. Москва- Ленинград. Заработалась. Мы ее больше слышим – меньше видим. Уж лучше бы в школе физкультуру преподавала, честное слово.

– Ну, Лидусь, не гневи Бога. Такая дочка – успешная, востребованная. Значит, специалист хороший, раз зовут. Гордиться надо. Да и работа – это ж тебе не на одном месте сидеть, в четырех стенах, как Жанна моя. В общем, жду, приезжай – поболтаем.

Посидели очень душевно и тепло.

Лида-маленькая и Жанна благодарили за подарки, но свитерок оказался как раз впору, и Лида тут же вернула его в сумку:

– Не пойдет, к зиме мал будет. Надо исправить. Не рассчитала что-то, да и не мудрено – малыш крупный, рослый.

– В папу, – улыбнулась Лида-маленькая.

– Да, совсем другие дети пошли, ранние. Как я Жанну помню в таком возрасте. Все в коляске сидела. Скоро день рождения у наших девчонок.

Жанна ушла укладывать сына спать, а Лиды не могли наговориться – вспоминали прежние квартиры, соседей, общих знакомых.

– Помнишь Голынских? Через дорогу от нас жили?

– Да, конечно, их Лариса с Жанной в музыкалку бегала.

– Да, так они уже два года, как в Канаде. Лариса замуж вышла за зубного врача, красавца. Двойню родила. А какая девочка была неинтересная.

– Помню-помню. А у Урицких что?

– Они все там же, а сын их уехал в Израиль, уже пару лет назад.

В разговоре выяснилось, что с их улиц уехали многие – Израиль, Штаты, Канада.

– А Наталку помнишь? Возле гастронома жили, муж украинец.

– Да, конечно, Василь.

– Так их дочка танцовщица, в Риме живёт, осталась там. Вроде даже замуж вышла. А старше наших на пару лет.

В итоге пришли к тому, что меняется город, уезжают люди.

– А ты говоришь – Москва, Ленинград. Это нормально ещё, в одной стране живёте, Лидусь, грех жаловаться.

– Да не жалуюсь я, подруга. – Лида-большая вздохнула и положила к себе на тарелку ещё кусочек капустного пирога. – Просто хочется уже, чтобы тоже остепенилась, семью построила, деток родила. Смотри, Димочка какой красавчик – крупный, развитый. А папа где?

– В Москву уехал, – Лида-маленькая оглянулась на дверь и понизила голос:

– А мы детей не отпустили, нечего Жанне там с ребенком во Фрязино делать. В холода эти. Свекровь ей не родня, хоть и помогла с Димочкой, спасибо ей. Теперь наша очередь.

– Жанна сама не захотела или вы настояли?

– Семён решил, а он если решил что-то – это всё. Нечего ей там делать, – повторила она. – Анатолий в Москве. День и ночь на работе. Вот до Нового года доживем, а там – вернётся, переедут к себе, Димочка к весне в садик пойдет. Заживут нормально, как все. А пока Жанна на работу выйдет, на полставочки, а я с Димочкой ее заменю. Устала она, вымоталась.

Лида-большая согласно кивала. Да везде хорошо и везде нелегко. Не стала высказываться, что не дело это – отрывать жену молодую от мужа на несколько месяцев. Все взрослые люди, сами понимают, что делают. Ей бы со своей дочкой разобраться.

В середине октября позвонила Лола и, часто дыша, сообщила, что Рашидик не поладил с Людмилой, и она, Жанна, должна срочно позвонить, как бы между прочим, поинтересоваться. Жанна позвонила, поинтересовалась, и через неделю уже вышла на работу.

Она опять была на своем месте, опять выслушивала комплименты и принимала конфеты и цветы. С новой аппаратурой освоилась быстро, а с Лолой у них сложились очень близкие отношения. Каждое утро начиналось с ее вопроса:

– Ну, что, звонил?

Анатолий звонил нечасто. Она не обижалась, знала, что ехать на Главпочтамт и выстоять там очередь – это та ещё история. И когда? Работает человек. Да и разговоры были такие... ни о чем. Как дела, да что слышно? Как Дима? Как погода? После таких звонков у нее оставалось неприятное послевкусие. Да, наверное, она ждала каких-то других вопросов и других слов. Лола, вытягивая из нее подробности об этих беседах, поджимала губы и качала головой, а как-то несмело спросила:

– Слушай, Жанна, а ты его любишь?

И она оторопела от этого простого вопроса, не желая признаться даже себе, что не может ответить прямо, не задумываясь. За последний год они виделись урывками – она с сыном во Фрязино, он – в Москве. Может, ей не надо было оставаться сейчас? И что – опять засесть во Фрязино? Здесь – ее город, её семья, её работа. Здесь она ощущала поддержку – ежечасно, ежеминутно, а там, у свекрови – одиночество. А Анатолий...

Внезапно, как в детстве, загорелись уши. 20-го октября было три года со дня их свадьбы. Ни мама, ни папа не обмолвились об этом. Забыли? Папа на работе с головой утонул, приходит поздно. Мама – с Димочкой много возится, готовит. Да и при чем здесь они? Это их свадьба с Анатолием, это он должен был помнить, позвонить, поздравить. Не позвонил. Не поздравил.

Она с трудом доработала день, дежурно улыбаясь пациентам и ловя на себе встревоженный взгляд Лолы. Обычно они шли вместе с работы до троллейбусной остановки, дожидались Лолиного троллейбуса, а потом она шла домой пешком. Сегодня сославшись на головную боль, ушла чуть раньше. Ей не хотелось отвечать на вопросы подруги, видеть ее участливый и все понимающий взгляд. Она шла, вдыхая любимый запах осенних костров, провожая глазами тонкий дымок, причудливой спиралью тянущийся к небесам, и чувствуя внутри какую-то непонятную пустоту.

Вспомнила, как почти месяц назад на день рождения получила от мужа поздравительную телеграмму. Вот ведь, не забыл! А она? Тоже хороша! Не поздравила Лану. Димочка тогда приболел, они даже не справляли. И Лана тоже не позвонила. И вообще, не пришла ни разу, даже Диму не видела. Странно. Надо позвонить тете Лиде, узнать, все ли в порядке.

Она шла по тихой, почти всегда пустой улочке, как в детстве, загребая сухую листву носками модных сапожек. Ещё совсем немного – и похолодает, начнутся дожди, а пока можно наслаждаться этими последними тёплыми деньками, высоким синим небом с плывущими куда-то облаками, притворяющимися скакунами, замками и рыбами. А потом – зима, Новый год, вернётся Анатолий, они переедут, и все встанет на свои места. Или не встанет. А пока, пока она наберет желудей и каштанов, и они вместе с сыном будут делать человечков с ручками и ножками из спичек.

К Новому году купили ёлку из пластика – они только входили в моду. Поставили на стул, обмотав его белой простыней. Нарядили – у Жанны была двухэтажная коробка – немецкие игрушки ее детства. Баба с дедом дарили. И гирлянды – разноцветные фигурки: мишки, машинки, клубнички.

Димочка ходил вокруг и удивлялся, но не трогал – смыслённый малыш. Жанна из плотного белого ватмана навыврезала снежинок и расклеила по окнам.

Встретили весело, с шампанским, бенгальскими огнями и "Голубым огоньком". И стол был на славу с множеством солений и салатов. А на горячее – баранья нога, нафаршированная толчённым чесноком и истекающая ароматным соком, запах которого наполнил, казалось, всю квартиру.

Рая пришла с коробкой конфет, бутылкой рижского бальзама и с большим коричневым пакетом, который тожественно вручила Диме со словами: это тебе от Деда Мороза. А потом с таинственным лицом сообщила, что в Каунасе у нее появился человек, и что скоро грядут изменения в ее жизни. Посыпались вопросы и поздравления. Наконец-то! Да, детей заводить поздно, но пожить для себя, иметь близкого по духу человека, с которым можно и выйти, и поехать куда-нибудь, да и просто стариться вместе.

Через пару дней приехали Лида-большая с Ланой. Привезли Димочкин свитерок, пакет с подарком от Деда Мороза и две коробки: огромную – с солдатиками и поменьше – трехрусскую, с цветными карандашами фабрики со смешным названием – фабрика имени Сакко и Ванцетти. И снова было ощущение необыкновенного тепла и близости, чувство, что виделись только вчера и не расставались. Лана играла с малышом, и он на удивление быстро пошел с ней на контакт.

Анатолий приехал через неделю после встречи Нового года. Привез гостинцы от родителей – сушеные грибы, пахнущие лесом – глубоко и резко. Две банки варенья – ежевика и крыжовник. Костюмчик Димочке и красивый платок для Лиды. Для Семена – подарочные нарды, компактные, с затейливым узором на лакированной крышке.

Родители смущённо переглядывались, благодарили. Вот тебе и Анатолий, вот тебе и чужой! Когда зашли в свою комнату, он неловко преподнес ей маленькую коробочку – кулончик с фианитом – резной, ажурный – то ли цветок, то ли жар-птица. Серебро с синей эмалью.

– Нравится? – спросил неуверенно.

– Ты что, Анатолий! Ты ещё спрашиваешь! Эмаль! Я обожаю эмаль! – чмокнула и побежала показывать родителям.

А потом справляли Старый Новый год – ещё один повод собраться всем, посидеть, поднять бокалы. Лида-маленькая позвала и Раю, и Лиду с Петром и Ланочкой. Все пришли, и пили, и закусывали, и смеялись, и поднимали тосты – за успешный и здоровый год. Рая вызвала Жанну на кухню:

– Слушай, а что, Анатолий и Лана не знакомы?

– Почему? – удивилась Жанна. – Они и на свадьбе виделись, и Новый год мы как-то вместе встречали. А что?

– Да, нет, ничего, – протянула Рая. – Показалось.

11

Анатолий вышел на работу. Приходил молчаливый, озабоченный. Жанна ни о чем не спрашивала, ждала. А вопрос крутился на языке: что с квартирой? Когда переезд? Они с мамой даже были на мебельной базе с записочкой от Семёна, присмотрели красивый гарнитур – стеночка с зеркальной витриной, с сейфом и выдвижным баром. А ещё журнальный столик и набор мягкой мебели – диван и два кресла с абстрактным рисунком – разбегающиеся коричневые линии на горчичном фоне. И ещё останется место для ее пианино – в правом углу. Ну, а остальное – мелочи: люстры, занавески.

Но Анатолий молчал. Как-то в воскресенье за обедом Семён спросил:

– Ну, что ребята? Гарнитур брать будем? А то убежит. Жалко. И цена неплохая.

– У меня квартира сдаётся, до июня договор, – тихо произнес Анатолий. – Но не это главное. На работе много изменений, – он замолчал.

За столом стало тихо. Даже Дима перестал возюкать ложкой по тарелке.

– И дальше что, дорогой зять? Ты уж позволь спросить, мы все же не чужие. Да и жене твоей тоже интересно должно быть. Да, дочка? – обратился он к Жанне, которая сидела, не поднимая глаз.

– А, может, ты в курсе, что происходит, а тайны только от нас?

– Сёма-Сёма, – Лида привычно похлопала мужа по руке.

– Что Сёма-Сёма? – голос отца был непривычно тихим. – Сколько годков мы с тобой уже вместе прошли? А прошли немало всего. И когда-то я скрывал что-то от тебя? Было такое?

– Да, не скрываю я, – тихо произнес Анатолий. У меня после Москвы должность другая.

– Что, повысили? – едко спросил Семён.

– Нет, наоборот. У нас в отделе начальство новое, перетрубащий много и увольнений. Я вообще на ниточке вишу. И квартиру хотели забрать. Пока отстояли, потому что Дима маленький. А что будет дальше – не знаю. Потому переезжать сейчас нету смысла. И тем более – покупать мебель. Вот и все тайны.

Жанна почувствовала, как её глаза медленно наполняются слезами. От обиды – как же так, почему от нее все скрывается? Или они не семья? Или Анатолий не считает её за серьезного собеседника, с которым можно поделиться, посоветоваться, обсудить. Правильно тогда сказал папа – "за ширмой". Между ними ширма, невидимая, но очень ощутимая стенка, за которую не пробиться. А она и не пыталась, если честно. Не хотела быть навязчивой прилипалой и старательно держала навязанную ей дистанцию. Кроме того, она так уповала на эту квартиру, так ждала, что они наконец-то будут жить отдельно, по своим правилам и законам. И отменятся эти многочисленные командировки – ведь не захочет же Анатолий оставлять ее одну, с маленьким ребенком. И тогда, вот тогда упадет эта ширма.

Семён встал из-за стола, резко отодвинув тарелку с недоеденным обедом. Жанна помнила с детства папину фразу – у нас нет собак и кошек, что положила – съешь. А потому на столе всегда стояла большая супница с половником и расписной ляган – для вторых блюд. Каждый брал, сколько хотел. И только компот мама наливала прямо в кружку, спросив предварительно: с гущей?

– Что, невкусно, Сёма? – Лида растерянно смотрела на недоеденное пюре и начатую отбивную.

– Вкусно, потом доем, – буркнул Семён, выходя из-за стола.

Весь день было тихо. Не выходил из комнаты Анатолий. Семён смотрел телевизор на лоджии, Лида хлопотала на кухне. Жанна возилась с малышом.

К ужину Анатолий не вышел, и на переговоры пошла Лида. Когда все собрались за столом, Семён начал веско и тихо:

– Значит, так. Мы тут с мамой переговорили и решили. До июня людей дергать не будем – договор, значит договор. Пусть живут себе. А в июне все будет ясно: и с работой твоей и с квартирой. Заберут квартиру – возьмёте кооператив, деньги копили все эти годы, надо будет – добавим, поможем. Будут проблемы на работе – безработным не останешься. Пойдешь к нам в управление, да хоть шофером служебным, как Санёк мой. Чем плохо? И с машиной, и с зарплатой, да ещё перепадает всякое, по мелочам. Ну, а если утрясется все – так тут и говорить не о чем. А гарнитур ... Что гарнитур? Этот уйдет – другой придет. Все вроде, мать? – он посмотрел на Лиду.

Та коротко кивнула. Ой, как не хотелось ей отпускать и дочку, и внука, но понимала – не состоится настоящая семья, пока живут они вместе, пока ни Жанна, ни Анатолий не чувствуют себя хозяевами в своем доме. Она с благодарностью вспомнила родителей Семена, которые почти сразу отселили их в крошечный домик, дав возможность жить отдельно. Прав ее Сема, прав, ничего не скажешь.

Больше эту тему не поднимали. К июню съехали квартиранты, освободили квартиру, которую оставили пока за Анатолием.

Семён отправил с работы маляра – стены освежить, обои переклеить – те, простенькие, в полосочку, заклеили югославскими, с богатым орнаментом, на пол лег толстый линолеум, набивной, удачно совпавший по цвету с обоями. И гарнитур, который так нравится Жанне, с сейфом и баром, достали, только обивка была темно-зелёного цвета вместо горчичного и витрина без зеркала. Кухонный гарнитур купили родители и Рая детям на новоселье. Он весь не поместился в крошечной кухоньке, половину пришлось вынести на хозяйственный балкончик.

Ремонт курировал Семён: наезжал, проверял, следил, чтобы узор на обоях совпал точно. В спальне осталась кровать от бывших жильцов – простенькая, ни цвета, ни фасона. Ее подняли на попá, когда клали линолеум.

– Семен батькович! Вот, под кроватью нашел, – маляр Сурик протянул Семёну крошечную серёжку. – Золото – не золото – не знаю. Обронили, видать, замочек слабый.

– Спасибо, друг, – Семён положил серёжку в кармашек рубашки. – Лиде отдам на хранение. А то эти заматают – молодежь, – он презрительно махнул рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.